

СМЕНА

Ильичев

12

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА ВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЮ

За мир и дружбу! Эти слова, близкие и дорогие каждому человеку, стали девизом всемирных фестивалей молодежи и студентов. Четыре раза представители молодого поколения собирались вместе, чтобы выразить свою непреклонную волю к борьбе за мир и счастье на земле. И всегда их встречи превращались в праздник неразрывной дружбы и крепящей солидарности. Жители Берлина, Праги, Будапешта и Бухареста хорошо помнят, как на улицах и площадях их городов звенели задорные песни, сливаясь в многозвучный дружный хор.

В конце прошлого года в Вене собрался Международный подготовительный комитет Пятого Всемирного фестиваля. Он обратился к юношам и девушкам всего мира: «Дорогие друзья! Фестиваль — это ваш фестиваль, это фестиваль дружбы всех юношей и девушек, независимо от политических взглядов, религиозных убеждений, рас и национальностей».

Местом фестиваля была избрана Варшава — город, возрожденный польским народом из руин и пепла. С марта этого года в столице

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 12. 1955 год.

Год
издания
32-й.

Солίσка Балета Государственного московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко изволево Еленора Власова выступит на фестивале со свадебным танцем из балета Р. Гляера «Дочь Настилин».

Фото Н. Рясина.

Польшу начала свою деятельность рабочая комиссия Международного подготовительного комитета.

Молодежь мира дружно откликнулась на призы комитета. В Варшаву полетели письма и телеграммы на разных языках.

О желании участвовать в фестивале заявили молодые опонцы из префектуры Ниси Ясире Ган, алжирские юноши и девушки из Сиди Бель Абес, футболисты уругвайского клуба «Салас Роякс», лондонский хор молодежи, студенты Дакарского университета, члены австралийской молодежной лиги «Эрикс», ученики берсельской балетной школы и сотни других организаций, клубов, союзов и школ.

В десятках стран созданы национальные подготовительные комитеты. Люди самых различных профессий, взглядов и убеждений входят в эти комитеты. В Дании, например, подготовительный комитет объединил представителей сорока трех национальных и местных молодежных организаций, в том числе профсоюзов учеников-ремесленников, коммунистического союза молодежи, национального клуба велосипедистов, молодежного клуба Норребре, академии изобразительных искусств.

Подготовительные комитеты собирают средства для поездки делегатов в Варшаву, организуют митинги и собрания, проводят лекции и вечера, издают брошюры и листовки, устраивают конкурсы и соревнования.

Самые различные средства используются для того, чтобы идея всемирной встречи молодежи нашла отклик в юных сердцах. Недавно участники лондонского молодежного хора вышли на скверы и рыночные площади города. Под открытым небом пели они свои песни, а затем с увлечением рассказывали жителям Лондона о готовящемся фестивале в Варшаву, на который придут молодые посланцы всех стран.

Много горячих энтузиастов и талантливых организаторов нашлось среди молодежи.

Бразильцу Сиднею Мичеллетти только шестнадцать лет. В прошлом году он был одним из самых молодых участников международной встречи сельской молодежи в Вене. Сolidарность молодых людей различных стран произвела на юношу огромное впечатление. Вернувшись на родину, он стал одним из

самых активных борцов за единство молодежи. Недавно Сидней Мичеллетти вместе с популярным бразильским певцом Парафузо объехал рассказывая молодым крестьянам о Варшавском фестивале и призывал их принять участие в предварительном фестивале молодежи стран Южной Америки. Молодые крестьяне откликнулись на призы, послали своих представителей на встречу в Сан-Паулу.

На фестиваль поедут лучшие из лучших — те, кто собрал больше подписей под Обращением Всемирного Совета Мира, кто, не жалея сил, не щадя жизни, отстаивает права молодежи.

Недавно Всемирная Федерация Демократической молодежи преисполнена поездкой в Варшаву членом двадцатипятилетнего шведа Едди Ахфельда. Соревнуясь с австрийскими юношами, он собрал за неделю 144 подписи под Воззванием Обращения.

Молодежь Скрии, готовясь к фестивалю, борется против турецко-иранского пакта, ведет сбор подписей за запрещение атомного оружия.

Нелегко юношам и девушкам капиталистических стран найти средства для поездки в Варшаву. Но молодежные организации изыскивают разные пути для сбора денег. В Голландии, например, члены национального подготовительного комитета отправились с подписными листами на заводы, фабрики, в институты и школы. Подготовительный комитет выпустил для продажи одиннадцать марок различной стоимости. Добровольные продавцы объясняют всем, что марка в 25 центов равна стоимости проезда двух километров пути в Варшаву, а марка в 25 гульденов поможет оплатить проезд 25 километров пути. По всей Голландии началось соревнование, кто больше соберет денег для поездки делегатов на фестиваль.

Еще труднее найти средства юношам и девушкам колониальных и зависимых стран. Но молодежь других государств протягивает им руку помощи. В Стокгольме собирают деньги для того, чтобы футбольная команда Судана смогла приехать в Варшаву, купить спортивный инвентарь и книги, готовя подарок делегатам Судана.

Британский подготовительный комитет устраивает в деревнях артистические и спортивные выступления, собирает средства для делегатов Кении и Малайи.

Французские девушки из Буше до Рон продают на улицах цветы, чтобы послать деньги девушкам Алжира.

Быть участником фестиваля — большая честь, и молодежь понастоющему соревнуется, добываясь права поехать в Варшаву. Всюду проходят музыкальные и художественные конкурсы, спортивные соревнования.

В Уругвае состоялись многочисленные конкурсы артистических коллективов. В Бразилии закончились состязания шестидесяти футбольных клубов. Венгерская молодежь провела музыкальные конкурсы и организовала конкурс молодых фотографов и журналистов.

Юноши и девушки различных стран готовят к фестивалю альбомы, выставки; певцы, танцоры, музыканты создают специальные номера, пишут новые произведения.

Известный английский певец Эван Мак Кол заканчивает оперетту, в которой повествуется о судьбе молодого человека, призванного на военную службу. Эта оперета впервые будет поставлена в театре «Рояль» в июле. В спектакле примут участие несколько дизайнов, ирландские музыканты и лондонский оркестр. Мак Кол пошлет свое произведение в Варшаву.

Директор датской королевской консерватории Финн Хофдинг создал для фестиваля оперу по мотивам сказки Андерсена «Новое платье короля». Советский композитор Туликос вместе с поэтом Ошанниным написали песню «Это мы — молодежь!»

Как и в прошлые годы, молодежь Советского Союза отправит на фестиваль большую делегацию. Посланцы Советской страны расскажут зарубежным друзьям о своей жизни, о подлинном счастье борцов, строителей нового мира. Не случайно наш документальный полнометражный фильм, заснят специально к фестивалю, носит название «Счастье трудных дорог».

Советская делегация приобретет на фестиваль с богатой и увлекательной программой. На берегах широкой Вислы прозвучат различные волжские песни,

Молодой дирижер Геннадий Ромбодостовский — участник фестиваля в Будапеште и Бухаресте — вновь одет на Всемирную встречу молодежи.

Готовится к фестивалю и молодежная группа хора имени Пятинского.

Студент четвертого курса Московской государственной консерватории комсомолец Юрий Айрапетян подготовил к фестивалю несколько фортепианных произведений. На снимке: Юрий Айрапетян со своим преподавателем профессором Я. Флиндром. Фото П. Рясина.

поэтичные украинские думки, лиричные карельские и белорусские напевы. Зарубежные друзья увидят загорную русскую пляску, полные грации узбекские танцы, темпераментные танцы Грузии и Азербайджана. Молодые артисты Государственного академического Большого театра повезут в Варшаву балет «Ллеbedиное

озеро». Лучшие представители народной художественной самодельности покажут на фестивале свое искусство. Среди них ансамбль Наунасского политехнического института, объединенный хор ленинградской молодежи, танцевальная группа ученых школ ФЗО из Свердловска.

Большую делегацию пошлет на фестиваль народный Китай. Китайская молодежь проводит сейчас смотри, конкурсы, готовит подарки братским делегациям. Только в местных смотрах приняли участие десятки миллионов юношей и девушек Китая.

Богатой и разнообразной будет программа Пятого Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В нее входят концерты народных песен и танцев, балет, опера, выступления оркестров, пантомимы, цирковые представления, демонстрация фильмов, концерты лауреатов фестивалей прежних лет.

В садах и на площадях Варшавы встретятся молодые металлурги, строители, шахтеры, сельскохозяйственные рабочие, ученики, железнодорожники. Намечены встречи студентов — медиков, архитекторов, педагогов, физиков, юристов, историков и многих других.

На спортивных площадях, футбольные поля, беговые дорожки, ринги, корты выйдут участники вторых Всемирных игр молодежи. Они будут соревноваться по двадцати трем видам спорта.

На фестивале будут организованы выставки юных фотографов, художников, филателистов, скульпторов.

Варшава готовится и встрече гостей. Недавно, беседуя с представителями прессы, председатель польского подготовительного комитета Артур Старевич заявил:

«Здесь, в Варшаве, в городе, который является символом творческих достижений, молодые люди из всех стран соединят свои руки, несмотря на усилия тех, кто желает посеять разногласия и раздор.

Для юношей и девушек, которые встретятся в Варшаве, дни, проведенные на фестивале, будут веселыми и свободными от забот. Мы уверены, что Польша встретит друзей из всех стран мира гостеприимно, с сердечным радушием, которое мы предлагаем всем, кто, несмотря на различную национальную принадлежность и цвет кожи, хочет того же, чего хотим мы,— МИРА».

Пятый Всемирный фестиваль будет еще более многолюдным и интересным, чем прежние. Он ознаменует собой новый этап в великой борьбе за мирную жизнь на земле.

Этот снимок сделан на улице Бухареста во время IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В те дни крепко подружились юноши и девушки разных стран. В августе 1955 года многие из них снова встретятся, на этот раз в Варшаве.

Защитники Брестской крепости.

С картины художника П. Кривоногова.

стые казармы с тыла и своим огнем разедили, изолировать друг от друга наши подразделения.

Гитлеровцы уже казались, что сопротивляющиеся гарнизоны подавлены. Западный и Южный острова франциски находились в руках врага. В центре крепости действовали штурмовые роты, захватившие клубы...

Но в этот момент противнику был нанесен неожиданный для него удар. Батальон 84-го стрелкового полка во главе с полковым комиссаром Ефимом Фоминым и секретарем полкового бюро комсомола Самвелом Метевосяном вырвался во двор и ударил в штаб. В коротком и ожесточенном бою отряд немецких автоматчиков, прорвавшийся в центр крепости, был почти полностью уничтожен. Уцелевшие вперевы бросились назад, к западным, Тереспольским воротам, но там они встретили меткий винтовочный и пулеметный огонь, отразивший им путь к отступлению. Группа бойцов 84-го стрелкового полка под командой старшего лейтенанта Потапова и начальника дежурного погранзаставы лейтенанта Киевацова немецкого отряда были истреблены одновременной атакой наших бойцов с востока и запада.

С каждым часом оборона крепости становилась все более действенной и крепкой. Раненые, дети и женщины укрылись в надежных подземных убежищах. Посуду — из окон казарм, с чердаков и крыши — во врагу били снайперы, раздавались очереди пулеметов, скучные и мятые винтовочные выстрелы. В восточной части крепости непрестанно, по словам самих немцев, оборону создала группа наших солдат и командиров под руководством майора Гаврилова. У Кобринских ворот артиллеристы противотанкового дивизиона втащили на земляные валы орудия и били прямой наводкой по наступающим цепям противника. Продвижение врага замедлилось, кое-где он был отброшен.

Потери гитлеровцев были настолько велики, что им нельзя было это не считаться. К концу дня командующий 4-й немецкой армией фельдмаршал Клюге приказал приостановить штурм крепости и отвести войска назад. Он надеялся сломить упорство осажденных интенсивным артиллерийским обстрелом и жестокими бомбежками.

Отход противника позволил нашим подраз-

делениям занять более выгодные позиции и установить между собой связь. 24 июня, в момент короткого затишья, собрались на совещание командиры с различных участков обороны. Совещанием этим руководили полковой комиссар Фомина и капитан Иван Зубачев — коммунист, в прошлом участник гражданской войны. Было решено объединить все подразделения гарнизона в одну сводную группу. Во главе этой группы был поставлен капитан Зубачев, а его заместителем назначен комиссар Фомина.

Начались долгие и упорные бои, отличавшиеся невиданным ожесточением. Противник непрерывно обстреливал крепость из крупнокалиберных штурмовых орудий, применяя снаряды, разрывающие горячую землю. Днем и ночью над цитаделью висели бомбардировщики.

Никакими средствами не гнушался враг, чтобы овладеть крепостью. Гитлеровцы переправляли в форму советских солдат и командиров, проникали в тыл и обороняющимися, предательскими выстрелами поража их в спину. Они старались вызвать среди гарнизона крепости панику. Самолеты противника сбрасывали сотни листовок с лживыми сообщениями со взятием Москвы и капитуляцией Советской Армии. Громкоговорящие установки ежедневно передавали «обращения» к гарнизону, в которых гитлеровское командование призывало осажденных сдаваться в плен.

На вражеские провокации защитники крепости отвечали огнем.

Одним из бойцов 84-го полка собрали немецкие листовки, и комсомолец старшина Мейер нарисовал на каждой из них свиную морду с ушками Гитлера, подписал анкету: «Не будьте фашистской свинье в советском огороде». Оклеив эти листовки пленного гитлеровского автомата, бойцы отравили его в таком виде назад, к своим. В другой раз в штаб на очередной призыв о капитуляции герон Бреста вывесили у восточных ворот полотноце, на котором кровью было написано: «Все умер, но из крепости не уйдем!»

Отрезанные от своих, лишённые связи с внешним миром, защитники Брестской крепости стояли насмерть. Они понимали, что своим сопротивлением связывают крупные силы врага и тем самым ослабляют его наступление. Каждую пулю советские бойцы старались попасть в цель, а когда патронов уже не оста-

валось, шли в рукопашную, поражая врагов штыками и прикладами.

В начале июля погиб штаб сводной группы, оборона распалась на отдельные очаги. Но бой шли с еще большим ожесточением, несмотря на то, что защитники крепости терпели лишения буквально во всем. Не хватало оружия и боеприпасов, их приходилось добывать у врага. Не было пищи, и люди по мятло дней голодали. Еще мучительнее была страшная жажда. Крепость со всех сторон окружена протекающей рекой, но подойти к воде было почти невозможно: пулеметы противника днем и ночь обстреливали подступы к реке. Десятки людей заплтали жизнью за попытку достать глоток воды. Лишь изредка кому-нибудь из смельчаков удавалось ночью, при свете беспрерывно взлетающих ракет, под огнем, подползти к воде и, чудом избежав пуль, вернуться назад и принести в тазик когелок мутной воды. Но даже и тогда никто из бойцов и командиров не претендовал на эту воду: ее по каплям раздавали тяжело раненым и детям или занятым в пулеметы.

Когда стало ясно, что силы защитников крепости подходят к концу и трагический исход обороны неминуем, командиры решили отпустить женщин и детей из крепости. Начальник погранзаставы лейтенант Киевацов, раненый несколько раз, но все же державшийся бою с бок со своими бойцами, пришел в подвал, где находились раненые, женщины и дети. «Уходите из крепости, товарищи женщины! — сказал он. — Попытайтесь спасти детей и себя. А что будет с вами?» — спросила одна из женщин. «Передайте всем, что мы выполним свой долг до конца!» — ответил Киевацов.

Столь сильным было стремление защитников крепости не окориться захватчикам, столь неукротимой была их ненависть к врагу, что раненые, попав в плен, предпочитали погибнуть. Командир батальона капитан Владимир Шабловский, захваченный с группой бойцов в плен, проходя через мост, крикнул: «Слушай мою команду! За мной!» — прыгнул в воду, а за ним прыгнули и другие.

Такими были защитники Брестской крепости — люди великого мужества, беспримерной верности воинскому долгу, замечательные советские патриоты. Их подвиг — яркое свидетельство необычайного героизма, высокого морального духа наших людей, воспитанных Советской властью и Коммунистической партией.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Рассказ

Штаб стоял в лесу на левом берегу Днепра, обомы — на острове, а батальоны уже занимали оборону в селе Селищи, километрах в пяти от правого берега.

Начальник штаба, усталый майор, провизию посылал в красноармейскую кухню и справку о ранениях, поглядывая на Андрея:

— Под бомбежкой?

— Ну, в первый же день! И не меня одного. Еще человек шестнадцать...быстро заговорил Андрей.

Все последние дни, пока они с капитаном добивались в полк, Андрей мучил вопрос: а вдруг его не возьмут на передовую и он от капитана отстанет?

— Что-то большое молод ты, парень... с сомнением проговорил начштаба. — Уж сознайся, годочка два — три прибавил себе?

— А молодые не воюют, кто ли? — возразил Андрей.

Что за люди! Им только паспорт подавай, а до дуни два лет. Или у них фашисты никого не убийт!

— Воюют и молодые, — неожиданно согласился майор и подписал направление. — В первый батальон. На остров перебраться днем. Большая переправа на правый берег ночью.

Андрей, обрадованный, вышел в штабной дворик. Зачислили к капитану, значит, вместе на передовую! Капитан Горбонос сидел на бревнах и прилакивал к гитаре струны из телефонного провода.

— Ну вот, — сказал он Андрею, обнимая финским ножом изоляцию, — теперь будешь служить у нас в полку.

В присутствии капитана неприятные мысли старшим Горбонос терпел власть над Андреем. От капитана исходила какая-то неспорная уверенность в правильности всего, что он делал. Сидел ли Горбонос в горнице на лавке или на рыхлом чешуйчатом бревне, ему всюду было удобно. Уставший от своего и чужого горя, Андрей тянулся к людям светлым и веселым.

Горбонос считал изоляцию, говорил с майором, вышедшим во дворик вслед за Андреем, а сам думал совсем о другом: вот сейчас ясный день, слышны птичьи голоса в лесу, в воздухе плавают нежные белые паутинки, а смеркнется — надо возвращаться на передний край, и опять бои, перепалки разрывами земля... В рост не пойдй, кури с оглядкой, и все это до следующего ранения или до формовки...

— Плачут, небось, по тебе в госпитале, — не то с укоризной, не то с одобрением сказал майор, любящий густой, чист волистой шведской Горбонос. — Вроде и лет тебе не двадцать и достается крепко, а все ты, черт, не стареешь!

— А зачем стареть, товарищ майор? — сказал Горбонос и улыбнулся. Ох, и улыбка ж у него была: неожиданная, щедрая... Тотчас просиял и Андрей.

Горбонос встал, взяв гитару, точно хотел ее разбить, но положил бережно на бревно и коротко пощурился с майором:

— Пойду пока что к парикмахера, а там, глядишь, и стамеет.

Несколько широких ошейников, он штал по земле уверенно, мощно; казалось, что ни попадись ему на пути, подомет.

Сильный он очень. Это Андрей знал. Перед выпиской из госпитала, когда уж документы подавали, начальник медчасти отбавлять Горбоноса похвально, сил набраться. Андрей испугался: неужели капитан согласится? А Горбонос вдруг ухватился за спинку двух стульев и легко сделал стойку на вынутых руках, потом оторухнул ладони и с ласковой улыбкой спросил намерда:

— Куда еще сил прикажете набирать?

Начмед махнул рукой и ушел. Лес кончился сразу. Открылся Днепр, голубой, спокойный, в рыхлых осенних берегах

и песчаных отмелях. В чистом небе таяло легкое облако, гремел близкий артиллерийский гром.

Горбонос шел первым, печатая глубокие следы в сыром песке.

Блиний Днепр был уже не голубой, а серый. Саперы носили на остров зыбкую переправу — деревянные чурбаки, сколоченные досками и наспех обструганными стволами молодых сосен... Стараясь не отставать от капитана, Андрей ступил на скользящий чурбак и пошатнулся: чурбак под ним сразу затонул. Горбонос шел легко, чуть взмахивая руками, как птица крыльями, и почему-то под ним, тяжелым, чурбаки не топали.

Кого-то капитан шумно приветствовал, с кем-то обнимался, распрямив, много ли раненых в ротах, крепко ли окопались... Андрей смотрел, слушал и старался не завидовать. Как же надо жалится с людьми, что тебя так встречали, так же разговаривали!

Пока Горбоноса брили, Андрей сидел в стороне на листьях. Он никому не мешал, но казался, никому и нужен не был: весь живой шум, непрерывно движенье острова, раздающиеся отбегали его... Тяжело и больно чувствовать себя одиозным в чужой дружной семье.

Чтобы хоть чем-нибудь занять, Андрей раздала свой тонкий вешевой мешок. У солдат в вешнихах всегда бывает что-нибудь из дому: не полотноца, так варежки, носки шерстяные или пельма, а у Андрея — ничего. И в горнило-то проводить его было некому: мать убила, сестренка... Эх, Катюшка... Выживет ли?

Опыт ударил зенитки. Отряхнулся дуб. Поблизости шлепнулись осколки. Парикмахер смахнул слез с плеча Горбоноса и оvestомался:

— Не беспокоит? Расправляя гимнастерку под ремнем, он заметил грустно-отчужденный взгляд Андрея и окликнул строго:

— Эй, яб, солдат! Выше голову!.. Жди здесь, скоро вернусь.

Вернулся Горбонос не скоро и молча повел Андрея по уже темному острову.

Сумерки коротки, сразу черная, глубокая, как омут, полная несного движенья фронтовая ночь. Крутой берет зрыт окопками для ожидающих переправы.

Горбонос нашел свободный окоп. Сел рядышком. Капитан свернула самокрутку и вакуарил, прача оочь в окулаво.

Где-то рядом мерно дышали насосы, накачивая резинозные лодки-поплавки. Вдур послышался знакомый нарастающий свист, и вслед за ним где-то на середине Днепра охнул взрыв.

— Начали, сволочи! — Горбонос раздал окурок и, пристав в окопе, посмотрел на реку.

Но на реке опять стало тихо, только волны с тресковым шумом бились о берег.

— Сважи-ка, друг, — заговорил тихим голосом капитан, — ты вот на переправе вроде поведешь, а сейчас опять сина. Держаться надо!

Андрей не видел капитана, но чувствовал заботу в его голосе, и так это было хорошо, так необходимо сейчас Андрею, что он от радости даже глаза закрыл. Мысли, чувства его, сковавшие тем горем, что пришлось пережить в оккупации, оттапвали бурно, притгтые дружеским участием.

— Товарищ капитан, а сколько нужно пробыть в полку, чтобы, как вас, встречали? — спросил он, заикаясь от волнения.

Горбонос засмеялся и похлопал Андрея по плечу:

— Это хорошо, что ты об этом думаешь. Не для меня, а для тебя хорошо. Только главное не в том, сколько пробыть, а как, как прожить — вот вопрос! И, между прочим, не только на фронте. Тут это быстрее видно, явственней как-то... А ты поминишь, говорили мы, как русский воюет?

— Все я помню, что вы говорите, — горячо отговаривал Андрей.

— Разговор, о котором капитан напоминал Андрею, произошел еще в Севтках, где стоял

Рисунки Л. Котлярова.

армейский госпиталь легко раненых. Капитан, по правилам, должен был эвакуировать в тыл, но он отказался. Тогда его поселили в одну из успешных палат. Андрей попал в этот госпиталь, захватив навесить родно и там встретил раненого капитана.

Горбонс спросил Андрея, помнит ли он их разговор, и задумался, вспоминая недавнее, произошедшее в Саватке у тропической реки Андрей Федосы Антоновича.

Много так пожелал фашисты, отступая. Всюду было тесно хозева, погорельцы, раненые, ребятишки в пестрых рубашках и штанах, спавшие на мешках-соловях... Тесно, но празднично-по-весеннему.

Войдя в хату, Горбонс проткнул девочку кусок сахара. Она взвизгнула и попятилась.

— Ты не бойся, — настоятельно сказала санитарка, проводившая Андрия в этот дом. Видишь? — показала звездочку на щеке.

— Привыкли бояться, — словно извиняясь, сказала хозяйка.

Первые за войну капитан устроился по-домашнему. Все ему нравилось: и ребятишки, и мягкий говор Федосы Антоновича, и золотые косы соседки Галинки, зачавшей теперь в хату. Только Андрей неприятно удивил Горбонса своей неэкономной сдержанностью. Парень словно бы не дышал жарким воздухом освобожденного села, в глазах не радость, а какая-то сосредоточенность.

Федосы Антоновича рассказала, что Андрей, как только освободил их местность, добровольно встал в армию, и стала известна, что капитан взял Андрея в свою часть. Горбонс отомчался. Сталось, что офицеры приводили из госпиталей в полк нужных людей, бывалых воинов; он сам однажды «совселял» к себе отставного бронебойщика, но тут вроде гитлеры было не за чем.

В один из последних перед выпиской вечеров Андрей сам попросился в батальон к капитану. Опять же сдержанно, колко, как будто одалживая дело.

— Что-то ты болше мушкет, парен. Видный какой-то, — не сразу ответил ему капитан.

Андрей стоял у приложа — высокий, голышастый, как молодой петухок. Длинные ноги были коротко и карбоко вытопчаны.

— Или на войну мушкет мешает? — усмехнулся он. — Веселого-то вроде мало.

— Э, нет! — на этот раз сразу откликнулся капитан. — Русский человек жить любит, он и веселое живо. С таким. С таким. А если ты в бой как на кань идишь, знаешь, только погони на тебе, но ты еще не солдат. Таким только умереть можно, а победить нельзя. Верно? — повел Горбонс карим глазом на Галинку.

— Та, товарищ капитан! — протрунула Федосы Антоновича. — Та с чего ж ему быть веселым?

— Тел! — перебил ее Андрей и, резко повернувшись, вышел из хаты.

За ним вышла и Галинка:

— Андрей, а он женатый?

Андрей не помнил, что он ответил. Ему было не до слов. Он еще только начал рассказывать, как Андрей с стрелковой осталась под немцем один, как его немощно контузило и как эсэсовцы чуть не до смерти запероло Катюшку.

Косой Андрей вернулся в хату, капитан поддал его, усадил рядом и спросил:

— Ну, а по военной части: что-нибудь можешь?

Андрей как будто соизмем озарился:

— Я стреляю отлично! Еще только высту- пал на соревнованиях... А сейчас я в снайперской школе был.

— Это уж ближе к делу... А при окупантах что делал?

Андрей рассказывал о том, как он с сестрой Катюшкой написал красным карандашом шесть листовок, как Андрей расклеил их ночью в соседнем хуторе.

— У вас же что, примечки, что ли, был в подполье? — поинтересовался Горбонс.

— Нет, не было ни примечки, ни подполья, — виновато ответил Андрей. — Мы просто сами писали, что, мол, держитесь, наши блики.

— А мы блики были?

— Нет. Наверно, но еще тогда далеко было. Золоткошка Галинка вернулась в шелковое платье. Ей, наверно, очень хотелось, чтобы никто, кроме капитана, не заметил, какая она нарядная, а вышла наоборот: все заметили, а он и

не посмотрел, увлеченный разговором с Андреем.

Галинка косы на грудь перебрала, вздохнула, и Андрей вразумился.

— Эй, на правый берег! — тихо окликнул синю.

Капитан выпрыгнул из окопа, вполголоса сказал:

— Рядом двигались два различных во мрак фигуры. У самой реки было чье видение. На черной воде покачивалась лодка. Судя ташили токи, связки котелков, ящики с минами — все на правый берег, все для верхового края. Перегруженная лодка шла медленно. Гребцы дышали тяжело. Опять послышался нарастающий свист. Никто не проронил ни слова, только слушали: пролетит или не пролетит? Пролетел. Звук был слышен в зарпаче воды.

— Давай! Давай, нажимай! — напряженно шептал кто-то.

Смутная громада берега надвинулась неожиданно. И тут ни огонька, ни громкого возгласа. Препятствие движенье теней — люди, лошади, орудия.

Цепляясь за кустарник, Андрей карабкался за капитаном и бойками по крутой тропинке, камии градус осмыслил из-под ног.

— Ты чего себе поддемай! — проворчал кто-то.

Над темной равниной простерлось туманное, розоватое по горизонту небо. Временами слышались далекий, глухой гром, вспыхивали бесчуждебные зарпачи.

Перебрался через глубокий овраг, подошли к каким-то хатам. Андрею странно было видеть их сейчас: в хатах никто не живет, они пусты, как зимние гиздала остров-чернугоза. Вся жизнь в хатах, в земля.

— Ниже голову! — коротко бросил капитан, ныряя куда-то по открытым в земле ступням.

Блиндаж, куда они спустились, после туманной ночи казался освещенным ослепительно. Андрей остался приятным к деревянной дверце, а капитана окружили люди:

— Товарищ комбат, с возвращением!

— Выряд! Дай же черт, обоним!

Был один, тот же с четвертими звездочками на потертых полевых погонах, как медведь, облябли Горбонса. Это замполит. За- зумерила телефон, и связист, сияя, как начищенный чайник, восторженно крикнул:

— Товарищ капитан! Все товарищ ноль- пень!

Как-то очень ловко раступились люди ровно настолько, чтобы Горбонс мог опуститься на одно колено и взать трубку. Все заулыбались, и у Горбонса блеснули зубы, он ажурился, кивал — даже Андрею стало ясно, что капитан говорит с большим начальником.

— Служу Советскому Союзу! — вдруг проговорил капитан очень серьезно.

— Богдан! Мельничко! — шепнул ему замполит. — За Днепр...

Бережно проложив трубку, Горбонс приподнял фуражку, провел рукой по волосам и прижал к губам трубку. Вокруг него смялось коротконогое стонико, куда пожелал отдать уже выставлял лодки, консервы, трофейную фуражку в шершавой шкурке и обыкновенный деревенский чугонок, окутанный паром.

Горбонс пошел пожим с товарищем замполитом. Тут жарким, товарищ комбат! — живо отозвался солдат, пододвигая Горбонусу все, что было на столе.

— Жалко, вы меня сегодня, что ли? — Капитан обвел товарищей блестящими глазами. Замполит засмеялся.

— На острове третий день наблюдателя держим.

Горбонс был взволнован. Но не знает, что в груди бьется тесно от счастья, когда вернешься после ранения в свою часть, где ждут тебя и гордятся тобой; и ходишь, как хмельной, готов и непричетный, шербетничкой от счастья и предельно довольный, и воин знакомому обнять... Горбонс, не в силах скрыть волнение, молча оглядывая друзей, весьма растерянно улыбаясь.

Но на воле всегда мало времени, и длилось это недолго. Смирно стоял и чужд немощью старший лейтенант кашлянул и впопыхался поглядял на комбата.

Горбонс встрепенулся:

— Телых? У тебя что?

— Дай ты ему поест, Телых, — проворчал замполит.

Горбонс быстро разлил водку в жестяные стаканчики, позвал старшего лейтенанта к столу.

— Со свиданьем, — сказал Телых и степенно не торопясь, выпил.

Лицо у него было рибое, широкое, а глаза желтые, как у хитрого. Вспыхивая с отщипским прищелом он не вынул из рук. На ремне ее лесенкой темнела зарубки. Закусил, он начал не спеша, подробно докладывая план задуманной им операции... Горбонс слушал внимательно, изредка испытующе поглядывая на старшего лейтенанта.

— Я полагаю, можно пройт! — закончил Телых и любовно поглядывал стои своей винтовкой.

— Как только мог понить Андрей, речь шла о том, что у противника много обеспечен как отступать. Там можно зайти с фланга, сбить какого-то унтера, который по уграм ходит к рубью купаться, и вообще посмотреть, что и как.

Горбонс нахмурился:

— Купается, говорюшь? Что он? от ограбы обдадет или выгнет отроду? Вроде отщипы илкие проделывал.

— Это он бодрость в своих войсках поднимает, — предположил телефонист.

— Слушай, — сказал Горбонс, — я на местности еще не был, полагаюсь на тебя. А может, там и не так легко пройт! Может, ты из строга по новым зарубкам соскучился, а? — Он строго поглядывал на снайпера. — Ты ведь, я знаю, не дурак совреть для пользы дела.

Телых проведя рукой по забуренному ремню, покаркая нотем стоял и негромко возражал:

— Зачем врать... Я только так. Обидно, если на твоём участке фриц купаться ходит.

Замполит, сдерживая улыбку, покосился на комбата.

— Ладно! — коротко сказал Горбонс. — Пойдем. Только вот что, ты в обем-то прикинь, нельзя ли его Jimmy... Ну, а если нельзя...

— Шлену! — охотно продолжил Телых.

— Только смейся, но бы не вышло, что ты иллещься в тебя иллещу! — строго пригрозил Горбонс, как будто мог выискане наложит на старшего лейтенанта, если его «иллещу».

— Будете спокойны, товарищ комбат!

— А запаруешь вы этого авасемьш... Горбонс кивнул на пригнувшегося у стенки Андрея. — Хвалится, что стреляет хорошо.

Все посмотрели на Андрея. Он встал, выпрямился, насколько позволял низкий потолок.

— Стрелять могу, — твердо сказал он.

— А польза? — осведомился Телых.

— И польза могу, — усмехнулся Андрей.

Эта веселая усмешка несколько расположила старшего лейтенанта к долговому парню, хотя он с удовольствием взял бы кого-нибудь попынтнее, из проверенных в деле людей.

— Ну, раз можешь, так пошли, — сказал Телых, поднимаясь. — Пока время, до леса и доверья.

Телых шагнул вперед привычно-бесшумно поступая старого охотника. Шаг у него был широким. Андрей старался ступать в его след. Ни о чем восторженно не думалось. Всем своим существом он чувствовал, что враг уже не только вперед, а где-то сбоку, а то и сзади. Не страх, но какое-то странное напряжение ощущал каждый мускул, каждый нерв.

Порезали молодые дубки; соседям развлеклось, ответственность проступила на туманном небе подурмянившиеся немдыми солнцем облачка. Телых остановился неожиданно. Андрей чуть не наткнулся на него.

— Ну как? — шепотом спросил старший лейтенант, испытующе взглядывая в лицо спутника.

— Андрей понял: старший лейтенант беспокоится, не боится ли он; обиделся немного, но глэд не опустит.

Вспыхивая, встал и заступил, остался удовлетворен его видом и снова шагнул вперед, теперь уже медленно, забывая вперед и высматривая что-то на светлеющей с каждым шагом земле.

Показался опушка. Вдалеке блеснула вода, голубая, как водоем. За сосновыми как видно, разлагалось село: утренные дымки несмело тянулись к небу. Болю было думать, что оно еще у врага.

Телых шагнул, что искал: пенки на изгор-

ке. Обзор был хорош: косогор и ручеек как на ладони.

— Отсюда нас никак не жгут,— пояснил старший лейтенант, взглянув на часы. Очевидно, по его расчетам, было еще рано. Он стал ухаживать в жесткой тачке, пристравив на нее винтовку.

— Сейчас, конечно, работа будет грубая, можно бы и простой винтовочкой обойтись,— шептал Телых, судяв невнятные палочки с прищипом.— Вообще-то снайперское дело акуратности требует, терпения. Иной раз по тени, по отблеску цели находишь. А ранивых быть не должно. Ранимые — это брак.

Телых придирчиво проверил, как устроился Андрей, потом взял и сам улетел окопательно.

— Вот сюда он и ходит.— Старший лейтенант снова похлопал на часы.— Вездь холодно, а ходит. К зиме, что ли, закаляется?

Телых ручья обворовал шепот. Снайперы замкнули по косогору ручья спускались двое. Все ближе, ближе.— Тут действительно можно бы обыкновенной винтовкой обойтись: Андрей отчетливо видел линию утвора. Он шагнул расценив, сдвинув густые рыважные палочки с места, ужался в чешую. Солдатовождение его солдат с автоматом поглядывал по сторонам, несся на руке украинское полотенце с вышитыми красными петухами.

Разглядев петухов, Андрей шумно встал. Телых молча подошел к нему кулак. Потом беззвучно, одним губами прошептал:

— Когда скажу, ты утвора.

Гитлеровские спускались к воде. Вдруг у самого ручья солдат поскользнулся и упал, уронив в грязь полотенце и сама не сбав с ног утвора. Тот обернулся и с размаху ударил солдата по лицу.

Телых коротко махнул рукой.

Утвр раздвинул и пошел к воде. Он показался Андрею одним движением. Перекрыв снайперского прицела двинулось медленно. От волнения Андрей не слышал, что Телых выстрелил одновременно с ним. Утвр спорокнулся навзничь и тяжело сполз в воду, а солдат бросил наземь, отполз в сторону, потом стал отходить короткими перебежками.

Решив, что Телых не стрелял, Андрей подошел к нему:

— Что ж вы, товарищ старший... — Ну его к черту! — доложил махнул рукой Телых. — Он уж от своего хлопотал. Ишь, драпант!

Андрей ничего не понял, да и разбираться было некогда. Он горчико зашипал:

— Разрешите спознать... Пистолет же, трофей!

— Черт с ними, с трофеями. Документы бери да ходом! Показал тот не пришел.

Андрей перебежал опушку и быстро пополз, шурша в пожелтой траве.

Принюхавшись, Телых сдвинул пилотку с уха, прислушался: неужели привел? По выступил у него на лбу, даже сердце закололо: зря не убрал!

А здесь следил он, как Андрей пересек полевую перебежал вброд ручей, подхватил и выпорхнул куртку утвора, наклонился к нему, пожал плечами.— Еле дождался Телых бойца.

— Товарищ старший лейтенант,— зашептал запылившись Андрей,— а в голову целая, а в утвора две пули. Почему?

— Так я тебе с первого раза и доверился,— проворчал Телых.— Не на зайцев мысли. Второго бы я все равно успел.

Солнце уже поднялось высоко, по земле все шуршало растекаясь веселые желтые проталины. Прошло, наверно, с полчаса, когда по рошине ударили минометы.

— Если б обонял сейчас, они долго бы не хвятились, бурча себе под нос,— сказал Телых.

Встать они прямик, боясь отлучил еще в начале той, самой первой его войны, гражданской. Но сейчас сердце колотилось тревожно, и впрямь оно себя не мог, что из-за минутной жалости под зрелищный огонь подзел молодого парня.

Телых петлял по лесу, как заяц, сторожко прислушиваясь к разрывам, таща Андрея за руку, как дачива в темноте. Нашел какую-то ринку, толкнул и все вылез. Сидел как лад, стараясь прикрыть собой парня.

— Авось, отлежится!

Андрей ничего, кроме чувства победенной опасности, не испытывая, не слышал даже, как является срезающая сосисками, Еду встать и поплыть в утвора, он попла, а это — главное,

...Ночью, когда Телых увел Андрея из блиндажа и гости разбежались, замполит сказал, укладываясь рядом с Горбоном:

— Пускай сойдет. Это ты правильно. Языка надо. Живыми то они его навряд пригатад, а документы возмут.

— Да уж поспал,— сказал Горбон, закуривая.

Телых — птица стреляная, а об Андрее капитан все-таки немного беспокоился: может, и не надо бы парнишку сразу...

В госпитале на мягкой перине Горбону синили бои, он часто бредил. А тут на солонце заснул сразу, без тревог и сновидений. Утром вскорее бодрый, свежий, будто в отпуске бывал.

Вместе с замполитом они пошли «по хозяйству». Пока все обмыслил, проверил, осенний день прошел. На командный пункт вернулся к вечеру.

Завесили дверь, зажгли трофейные пилотки. Уже дважды Горбон поглядывал на часы.

— Пора бы мне и придти,— подумал вслух замполит.

— Вот так-то, Василий Александрович,— сказал Горбон, продолжая разговор, начатый еще днем.— И знаешь, что меня больше всего порадовало? Когда парнишка эти рассказывал мне, как они с сестренкой жили при оккупантах, на мой вопрос о подполье он виновато ответил, что подполья не было. Помнишь? А что листовским красным карандашом писал, это ты считаешь, так и надо. Вот что хорошо!

— О сестре его справки наведут, я уже распорядился,— сказал замполит.— Может, она в армейском госпитале.

Опершись локтями на широко расставленные колени, низко опустив голову, Горбон пристально рассматривала замаскированные галки сапога.

— А все-таки трудно мне, Василий Александрович! — вдруг глухо проговорил он.— Третий год, а никак не могу забыть. Вот была. Такая хорошая... А теперь и писать некому. Повернись? — Горбон резко выпрямился.— Девочка какая-то в хате, где я жил, крутилась. Так от косе ее глаза отгварить не мог. Положение косы. Все кажется: обретается — и здру она... А лино другое. Все другое.

Он затомал головой.

Замполит сяд с Горбоном фуражку. Короткие пальцы его зарылись в волнистые волосы парня, Андрей не успевая же, влесте с старшим лейтенантом прошел прямо к комбату и пришел у столка на корточки, не сводя с капитана сияющих глаз.

Наследящая первыми бешеными воспоминаниями, Андрей не сразу заметил, что у старшего лейтенанта виноватый вид.

— В общем... Не сила я второго,— объяснял Телых.— Вроде уж от него получило...

— Может, он ему такой же свой, как и нам,— задумчиво проговорил замполит.— Вон в соседней комнате, старший лейтенант, два радных перебежла.

— Ну, черт с ним! — рассудил Горбон. Он довольно поглядывал то на горку документов на столе, то на Андрея и Телых.— Одна, значит, перебежла, старший лейтенант.

— Ни одной,— сказал Телых и кивнул на Андрея.— У него одна.

— Молодец! — похвалил Горбон.

Комбат с замполитом принялись смотреть бумаги.

— Кто у нас туткого эту разбирает? — спросил Горбон, перелистывая записную книжку утвора.— Может, тут одна порнография? Пошлем в дивизию, а там нас на смех подымут. Добавь дескать, товарищ старший лейтенант.

— Позовите Антошкина,— сказал замполит,— а разведчиков накормите.

Пришел командир взвода связи Антошкин, и офицеры, привидев огонь, склонились над махнутой рукой утвора. Замполит, это был дневник. Сначала утвр вел его акуратно, записывая названия русских городов и сел. Потом записки стали короче, небрежнее и злее.— «Я давно не писал,— переводил вслух Антошкин.— Мне страшно перечитывать написанное. Мы еще говорим о фюрере, о воинской чести, но для нас это уже только слова. Я не верю собственному ordinarily. Недавно мы изорвали намереть девочку, которая что-то знала. Но она так ничего и не сказала. Что это? Любость? Я перестаю что-либо понимать...»

Распелая кинтот, Андрей отставил кружку. Он подлился и, неуловимо толкнув старшего лейтенанта, хотел уйти. Замполит, это удержал его за руку, усадил на место. И тогда Андрей заглянул у всех на глаза. Все слылось: боль за Катюшку, усталость, ударив наваливавшаяся на него Видно, не так уж легко далось ему последнее дело сутю. К тому же Андрей улетало чувство стыда перед капитаном, который видел теперь его слабость и, возможно, скажет: «Нет, ты еще не солдат!»

Но на слезах молодого бойца никто не обратил внимания. Только Горбон сказал ordinarily:

— Налей-ка ему еще чайку!

— Рашнее утвр. Андрей с ordinarily сидят у входа в блиндаж. Ordinary — волжанки с густыми волосами, зачесаны. Работает в силе на потеплела. Простудил дорога, от комликов засохшей грязи лежат десятки маленьких тежей. Гле-то коротко взвизгнула пуля.

— Ну, вот и финиша за дело завязь,— другим изумом сказал Иван Алексеевич.— Ой! — вой!

У Горбоном такой порлок: в ordinarily он берет по очереди толкото самых поспых солдат батальона, «чтобы отдышал». И хотя при нем отдышка особенно не приходится: комбат не делает мало сидит,— они любят Горбоном и забоятся о нем, как о сине.

Утвр телос. Димок от самкрутки медленно уползает вперед.

— Вот и солнышко всходит,— говорит Иван Алексеевич.

Небо за делом розовеет, краснеет. Вот солнышко превратило латы не наутра, а в силе на потеплела. Простудил дорога, от комликов засохшей грязи лежат десятки маленьких тежей. Гле-то коротко взвизгнула пуля.

— Ну, вот и финиша за дело завязь,— другим изумом сказал Иван Алексеевич.— Ой! — вой!

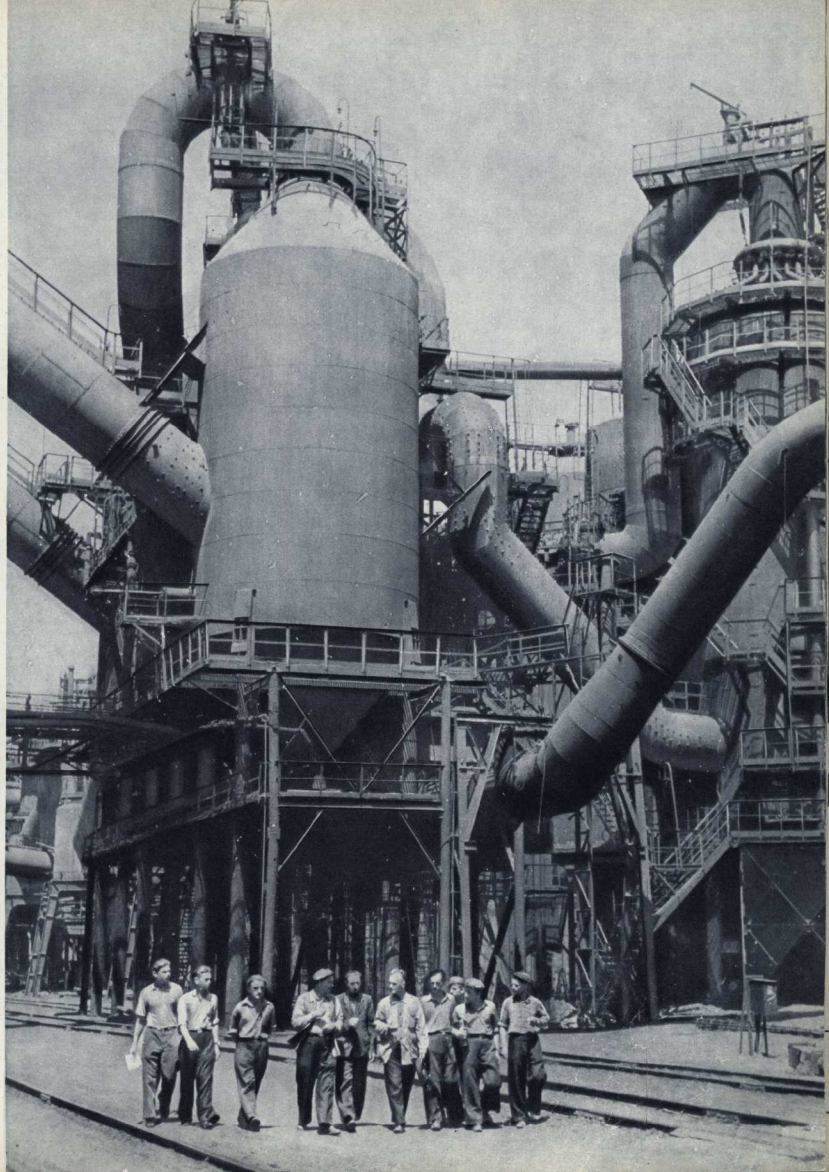
Андрей молчит, улавливает, смотрит на запад. Он успокоился, выспался, ему хорошо. Он солдат своей части. По этим полям, перелесяк ему сейчас только добыть победу.

В добрый путь, Андрей!

Ежегодно на крупнейших металлургических предприятиях страны проводятся производственные практикумы студентов высших учебных заведений. Работая в цехах, они знакомятся с организацией труда и производственными процессами на различных участках. Инициатор будущих инженеров руководит опытные преподаватели и специалисты.

На владее: кандидат технических наук Д. В. Евремов и начальник смены цеха В. И. Мищенко — в группе студентов Ленинградского и Киевского горно-металлургических институтов, прибывших для прохождения практики на завод «Азовсталь».

Фото И. Хоружиего.

— И как это тебе удастся так чисто сделать! — говорит Юлия Модина, любящая деталью, которую только что выточил Саша Синенко.

Год назад комсомолка Юлия Модина поступила в московское ремесленное училище № 57. За это время она многому научилась, крепко полюбила свою будущую специальность часовщика-сборщика. Правда, пока что не все у нее идет гладко, порой возникают такие вопросы, которые самостоятельно трудно решить. И Юлия не стесняется обратиться за советом к мастеру или товарищу из старшей группы. Вот и сейчас, уловив свободную минуту, она подошла к Саше Синенко, чтобы посмотреть, как он сделал деталь: ведь это тоже учеба!

В ремесленное училище поступает много заказов от предприятий столицы. Не так давно здесь, например, стали осваивать сверлильный патрон. В выполнении этого заказа принимает участие и будущий часовщик-механик Саша Синенко. Он гордится тем, что ему доверили эту работу и что мастер Петр Алексеевич Решетов нет-нет, да и похваляет его.

Растет и взмывает молодое поколение рабочего класса!

Недалеко то время, когда и Юлии Модинай поручат интересную самостоятельную работу.

Фото В. Тьюкеля.

БДИТЕЛЬНОСТЬ — НАШЕ ОРУЖИЕ

Многие юноши и девушки считают, что бдительность необходима только в особой обстановке. Они знают, например, что пограничнику или засекреченному, стоящему на посту, нужно быть очень бдительными, а вот в обычных, будничных условиях бдительность, по их мнению, не обязательна.

Правы ли они? Нет. Многочисленные факты говорят о том, что эти юноши и девушки серьезно заблуждаются.

В одном из выпусков восточной газеты «Пастух» Дмитрий Дмитриевич Лещенко был стадо на берегу Черного моря. С высокого обрыва хорошо был виден растелеющийся внизу морской простор. Неожиданно взгляд пастуха остановился на странном предмете, лежавшем в воде между прибрежными скалами. Спутавшись вблизи, он увидел, что на дне моря залегла лодка. Лодка разделила и осмотрел свое находку поближе. Лодка оказалась иностранного происхождения.

Кому понадобилось остановиться в этом ничем не примечательном, пустынном месте? Почему лодка не вытаскана из берега, а спрятана? Не тогда времени, пастух сообщил о своей находке на пограничную заставу. Прибывшие пограничники обирали на песке следы дров неизвестных, а в прибрежной гальке наши пограничники радиостанцию и другие предметы, указывавшие на то, что здесь высадился агент иностранной разведки. Пытательное обследование местности дало новые доказательства того, что здесь высадился враг. В полутора километрах от берега удалось найти два спрятанных мешка со взрывчаткой, картами, компасом.

Прошло несколько дней. Далеко от моря, в поле, в колхозе «Пашекан» в Троицкой подполгал два незнакомого человека и, назвавшись курортниками, попросили указать дорогу туристскому лагерю. В полутора нужные сведения, «курортники» ушли. Однако их внешний вид и поведение внушили колхозникам подозрение. Очень уж эти люди не походили на спокойные отдыхающих с семьями людей: грязные измятые костюмы, небритые лица. С ними же незнакомый понах и в катящийся на пути, через колхоз, а в обход, через устье. Пашекан и Троихина поспешно к председателю колхоза. В правлении они застали пограничников, которые искали каких-то преступников. Вызванные колхозники рассказали о встрече с неизвестными и описали их внешность. Пограничники устремились в погоню. Обнаружив преследование, «курортники» заехали и начали отстреливаться. В завязавшей перестрелке один из нарушителей был убит, а второму удалось скрыться в лесу.

На месте убийства была обнаружена след от которой в точности соответствовала садам, обнаруженным на месте высадки диверсантов. Рядом с убитым углялся чехом из радиостанции.

Прошло еще два дня. Ранним утром в дом колхозницы Анны Ивановны Богова, стоявший на краю станицы, поступала неизвестная женщина. Она решительно вошла в комнату и, сообщив, что осталась от своей туристской группы, попросила хозяйку накормить его... Гость вел себя странно. ЕА, настороженно поглядывая в окно. Видно было, что он очень утомлен, но лечь спать неохотно отказывался. Анна Ивановна как бы из любопытства стала расспрашивать его, давно ли он приехал из Кавказа, куда направилась группа туристов, от которой он остался. Незнакомка отвечала уклончиво, явно путалась и особенно удивила Анну Ивановну тем, что зebra маршрут своего туристского похода.

Она разбудила своих дочерей Елену и Катю и громко, чтобы слышала соседка вверху, сказала слова в пользу. Улучив минуту, тихонько спустилась старшей дочерью та обгела в станичный совет и рассказала о подозрительном госте.

Девочки ушли. Анна Ивановна занялась стиркой, а гости, уронив голову на руки, казалась, дремала у окна. Вдруг он встал и рванулся к двери. В руках у него была пистолет. Он одновременно проглотил два выстрела. Увидев, что он окружен диверсантами в приладе бессильной злобы тяжело раня тринадцатилетнюю Катю, которая возвращалась домой. Второй выстрел принадлежал пограничнику. Пограничник ранен ногой.

Так простояли советские люди — пастух Лещенко, колхозники Пашекан, Троихина и Богова — помог обнаружив та обгела в станичный совет и рассказала о подозрительном госте.

...Почти тридцать пять лет назад, выступая перед делегатами Девятого Всероссийского съезда Советов, Ленин говорил:

«Первой заповедью нашей политики, первой уроком... который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам».

«... Эти денежные слова звучат и в наши дни в неослабевающей силе».

Капиталистический лагерь уснащено готовит новую войну, замыслил к нам своих шпионов, террористов и диверсантов. Имperialисты пытаются любыми средствами подорвать экономическое и военное могущество Советского государства. После окончания второй мировой войны американская и английская развед-

ки стараются забрасывать в СССР специально подготовленных агентов. Об этом красноречиво говорят опубликованные в советской печати факты о зонные шпионы.

Нужно до конца изяснить состояние людского так проявлять свою бдительность, чтобы ни один иностранный шпион не мог гулять по нашей земле.

Вражеская агентура засылается к нам не только неадекватно через линии сухопутные, морские и воздушные границы. Всем известно, что в течение 18 месяцев 1946 года, в одном из районов Московской области колхозника Маслова увидела в окошке человека, который фотографировал оборонные объекты. Маслова вызвала военный патруль, и «фотограф» был задержан. Он оказался помощником английского военного атташе Чарльзом Лэндоном. Этот «шпион» отличался тем, что дневной район вывезения запретной зоной (о чем английские посольства было заблаговременно оповещено Министерством иностранных дел), однако он проник сюда. Машину свою Лэндон оставил далеко и думал, что его никто не заметит. Но бдительность колхозницы помогла разоблачить «шпиона». Лэндон был задержан, а впоследствии составил акт. Лэндон и после этого неоднократно пытался собирать сведения об оборонных объектах, и в конце концов ему предложили покинуть пределы нашей страны.

Если люди, с которыми тебя сталкивает жизнь, проявляют изначальное абсолютное во всяком случае, промышленными объектам оборонного значения, транспорту и средствам связи, не проходи мимо таких случаев. Постарайся разоблачить, с кем имеешь дело, и при необходимости через представителя военного командования, выходящего или администрацию прими меры, чтобы пресечь попытки захватить, завести, срываясь эти объекты.

Часто иностранные разведчики нужные для себя сведения пытаются получить из разговоров с людьми. К этому средству они прибегают в поездах, театрах, ресторанах, парикмахерских и других общественных местах. Бывают случаи, когда агенты капиталистических государств в разговорах с людьми, владеющими советским языком выдают себя за гражданина одной из советских республик или за представителя страны народной демократии.

Вот случай, который произошел не так давно. В один из ресторанов Центрального парка культуры и отдыха вошла группа молодых людей. Все они работали на одном оборонном заводе. За столиком в ожидании заказа молодые люди обменялись мнениями о деталях изобретения, внедряющегося на заводе. Их слушавший сосед по столу в амплеттом ел и как будто не обращал внимания на их разговоры. А лишь войну обдал, назвавшись инженером, прибывшим в командировку, он разговорился с туристкой и узнал, на каком заводе они работают. «Инженер» в действительности был сотрудником одного из посольств. От разговоров он узнал важные сведения о заводе.

Из этого факта можно сделать только один вывод: всем нам нужно знать время и место для служебных разговоров и во-первых останавливать своих товарищей, если они забывают о бдительности.

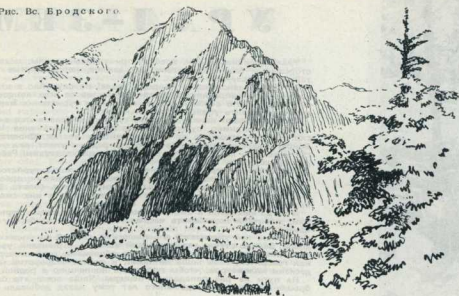
Не менее важно строго соблюдать правила обращения с секретными документами, относящимися к оборонной продукции. Только самая тщательный учет происхождения каждого секретного документа предохранит тебя, твою предприятие, воинскую часть или учреждение от промахи секретных документов, от разглашения государственной тайны. Нельзя говорить о сведениях, содержащих секретную документацию, ни с кем из знакомых. Дело вовсе не в недоверии к товарищу, а в том, что самые «доверительные» разговоры имеют обыкновенно быстро распространяться. Если нарушитель установившие правила хранения государственной тайны, то может случиться, что и сам не узнает, когда и как стал известен несомненно секретный документ иностранной разведки. Необходимо всегда помнить, что это не твои личная, а государственная тайна и ты не вправе ею распоряжаться по своему усмотрению.

Капиталистический лагерь ведет яростную борьбу с лагерем социализма и демократии не только путем диверсий и шпионажа, но и на идеологическом фронте. Всем известно, что американские и английские империалисты тратят огромные средства на антисоветскую пропаганду. К сожалению, в нашей стране еще есть люди, которые пытаются воспринять вымышленную буржуазную пропаганду. Они пользуются неадекватными случаями сплетнями, повторяют их, иногда «обсуждают» эти сведения с товарищами. Волею или неволею, но тем самым они помогают врагу.

Наша партия неустанно воспитывает советский народ в духе высокой бдительности. На XIX съезде КПСС товарищ Хрущев говорил, что высокая политическая бдительность, непримиримая борьба против каких бы то ни было проявлений враждебных элементов является важным условием дальнейшего укрепления нашего Советского государства. В будущем развитии нашей бдительности необходима на любом участке и во всякой обстановке.

Бдительность нам необходима, как воздух. Бдительность — наше оружие.

А. ТИШКОВ

Он русский парень. Севернин,
Он невысок и сероглаз.
Под Сталинградом дважды ранен
И под Берлином — в пятый раз.

Он мне не брат, которым может
Гордиться мой семейный круг.
По друга я не знала, дороже,
Чем этот новый, русский друг.

Нередко первый луч рассвета
Нам засветит над книгой с ним,
Когда мы, сестрички-студенты,
Перед экзаменом не спим.

А вспомни мы былые даты, —
И понимаю я тогда,
Что быть не мог ялохим солдатом
Мой друг в военные года.

Свой край спасая от пожара
В незабываемой войне,
Он, русский парень, мой товарищ,
Вернул мою свободу мне.

Москва... Идем мы с другом вместе
По улицам, заходям в сквер...
И, как в родном Бухаресте,
Себя я чувствую в Москве.

Перевел с румынского
В. МОРОЗОВ.

СТИХИ ИОНА САФИРА

Румынский поэт Ион Сафир родился в деревне. После ремесленного училища в 1949 году он поступил в Бухарестский университет, а в 1950 году был направлен в Московский литературный институт. В этом году он завершает учебу и возвращается на родину. Творчество Сафира интернационально по содержанию: борьба за мир, братство народов — это основные темы его стихов. Хочется пожелать молодому поэту новых творческих успехов. Можно надеяться, что его связанный поэтический голос будет слышен в хоре голосов молодой поэзии стран народной демократии.

Сергей СМЕРНОВ

ЛЕКЦИЯ

В одной аудитории сидели
мы, дети разных наций и племен.
Врываясь к нам, снопы лучей
за окнами шума ветвям каси.

Плечом к плечу сидели
сын Китая
и юноша с дунайских берегов,
возлеку науку постигли —
как строить новь и побеждать врагов.

Показывала профессор панораму
грядущего
студентам братских стран.
Его лицо пересекала шрамы.
Мы знали, что он бывший партизан.

Мы знали, что он был простым
солдатом
в те дни, когда с фашизмом шла
борьба,
когда в огне боев под Сталинградом
репалась человечества судьба...

Он о гигантских говорил платинах,
о замученных средь степей морях,
о новых землях говорил ценных,
о выросших в труде богатых.

Стараясь подобрать полярче слово,
нам говорил с вольным гордым оном
о том, как создан был в борьбе суровой
Страны Советов Основной Закон.

Зачем, что всем народам озаряет
дорогу путеводню звездной,
что в трудный час им силы
прибавляет,
как сказочный родник с живой водой.

...О лекции чудесной вспоминаю,
я знаю, что и к нам пришла весна,
что и у нас, на берегах Дуная,
Законом новым жизнь озарена.

Хочу я говорить о днях счастливых,
о всенародном нашем горжестве
сегодня

так же ярко и правдиво,
как говорила профессор мой в Москве.

Перевел с румынского
П. ЖЕЛЕЗНОВ.

ПРОШЛИ ГОДА...

Села, в котором я увидел свет,
На карте мира не было и нет.

Здесь, на меже, склоняясь к земле сухой,
Мой прадед в полдень умер за сохой.

Над паугом горбился мой вишней дед,
Чтоб был бодрим сыт и разодет.

В наследство ни двора и ни кола
Моя больная мать мне не дала.

Остался только кошка, да и ей
Пришлось обжечься: в лагуле нет мышья.

И, на чабаный посох опираясь,
Прощай года, в безвестности теряясь.

Я знал одно лишь, нищету каляя,
Что трудовые руки у меня.

Могола ль тогда почувдаться во мне,
Что кончить институт придется мне!

Перевел с румынского
Б. ДУБРОВИН.

ИМЯ

«Ты что — в родстве и дружбе с
королями?
Ты что — в Синае выстроил дворец?
Ты что — владеешь нашими краями?
А может, стал банкиром твой отец,

И в сейфах ваших все богатство мира,
Которым ты играешь так и сяк?
Ведь камня драгоценного — сафира —
Ты носишь имя, господни боски!»

Так задавала, злородно ухмыляясь,
Учитель за вопросами вопрос.
А я молчала, смущалась и боясь.
Я был забит, и голоден, и терся.

Задал бы он теперь вопросы эти,
Когда народ козняком в стране,
И король уже не знает дети,
И это дорог открылось сразу мне!

Перевел с румынского
Л. СОЛОВЬЕВ.

Чему в Москве научился сам,
Насколько ушел вперед,
Не мне судить, —
По моим делам
Это оценит народ.

Может быть, мало прочел я книг,
Я прошел не великий путь.
Но самое главное я постиг:
Человек, человек будь!

Перевел с румынского
Б. ДУБРОВИН.

УРАЛ-ЗЕМЛ

Урал! Древние горные хребты, причудливые скалы, похожие на сторожевые башни средневековых замков, непроходимые заросли тайги, бесчисленные озера...

Богата и разнообразна природа Урала! Не случайно в этот край каждое лето направляются тысячи туристов со всех уголков Советского Союза. Но особенно часто на главных туристских маршрутах можно встретить уральских шолольников.

Едва наступают канитулы, юные туристы отправляются в поход. Вот, как, например, путешествовала группа шолольников Челябинска. Их путь пролегал по живописнейшим местам Южного Урала. Вперед — девственная, дикая тайга, где редко ступает нога человека, где медведь и лось чувствуют себя полными хозяевами. Работам не раз приходилось встречаться со зверями.

Малозаметные тропы нередко терялись, и тогда туристы вырубали старым дубом — номпас. Шли по азимуту, например, преодолевая непреступные с первого взгляда хребты, бурелом, болота. Это приучало ребят бороться с трудностями, развивало в них смелость и находчивость, чувство взаимной выручки.

А когда выходы к быстрым рекам и к прозрачным горным озерам, любители порыбачить часами просиживали на берегу с удочками.

Для тех, кто увлекается минералогией, горы были чудесной кладовой. Звонко стучал геологический молоток, и проказник, умиг и без того тинельный, наполнялся новыми образцами горных пород. Но, как говорится, своя ноша не тянет, и ребята безропотно несли ее десятки километров, чтобы пополнить коллекцию в родной школе.

На пути не раз попадались пещеры. Чаще всего это были залеженные рудинки, где много лет тому назад добывали золото

Раннее утро. День только начинается, а юные туристы уже в пути. Это самое хорошее время для похода. Утренняя свежесть бодрит, дышится свободно, шагается так легко! Не всегда в тайге, где густая трава доходит до пояса, найдешь тропу. Но это не беда! У туристов есть надежный друг — номпас, который всегда укажет правильный путь. И на этот раз он подал путешественников — шолольников вывели прямо к реке Сим.

Пока одни разбивали палатки, другие занялись рыбной ловлей с подвального мостина. Каждый пойманный хариус в глазах молодых рыболовов был необыкновенным. Еще более необыкновенными, по их рассказам, были те хариусы, которые срывались с ирчиона. Иногда богатая фантазия увеличивала размеры рыбы до полуметра. Но как бы то ни было, через два часа на острове, который расположено недалеко от лагеря, варилась уха. Нашлись и перец и лавровый лист, никак не додуманные по лагерю, приготовленной на свежем воздухе!

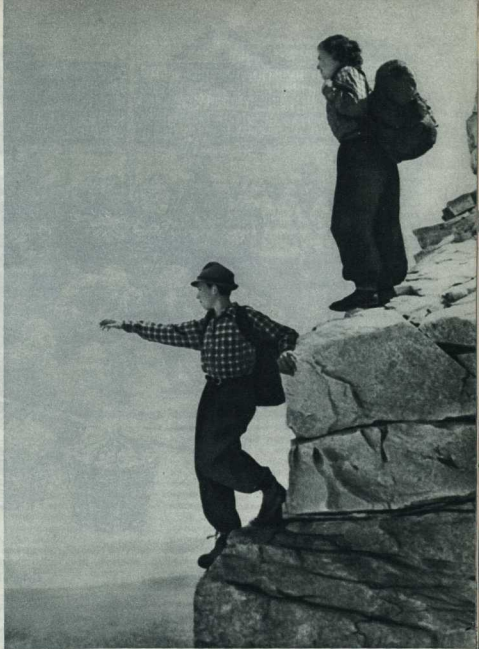
Я ЗОЛОТАЯ

медь и железо. Но встречались и таинные пещеры, где нетрудно даже заблудиться: узкие, темные ходы тянулись на километры, смешались таинно большими «злаками», где огонь факела не мог осветить потока. Об этих пещерах ходили легенды. И, слушая их, туристы выслезно уносились в прошлое, к временам Салавата Юлаева и Емельяна Пугачева. Ведь по этим местам некогда прошла волна народного восстания против царизма и помещицино. Много интересного услышали ребята об уральских рудознатцах, о революционном прошлом родного края.

В наиболее красивых и интересных местах устраивались дневни. Пока строили палаточный городок, у воды уже начинали дымиться костры. Демурные соревновались друг с другом, кто быстрее приготовит обед. Впрочем, на качество обедов и так никто не жаловался: на свежем воздухе аппетит всегда отменный. Вечером у костра завели песню. А на рассвете — снова в поход...

Сильно интересного, полезного для себя узнали выпускники школы, которым этим летом предстоит выбрать профессию! Рай Анисимова увлекается ботаникой. Она научилась хорошо разбираться в растениях, собрала много гербариев. Юра Полов и Валия Шatroва решили стать геологами. Они принесли домой рудозан, набитые уральскими минералами. Хорошо поработали в походе и будущие офицеры Геннадий Горлацел и Виктор Гаврилов. Они не расставались с компасом и картой, и не было случая, чтобы туристы, проходя по тайге, не вышли к заранее намеченному пункту... В родной город школьники возвратились отдохнувшие, подбодренные. Они лучше узнали свой богатый край, полюбили суровую красоту уральской природы.

Фото И. Викторова.

С вершины каменного шихана особенно хорошо видны окрестности. Серебряной ниткой вьется речка Сим, то прильшая в густых зарослях леса, то вырывающаяся на широкий сплоский плес. Особенно красива эта небольшая речка в том месте, где открывается вид на Сергивенскую пещеру. С одного берега в воду обрывается каменная гряда, с другого — тонкие, гибкие березы свисли над водой сплошными сереники. Чуть дальше зияет провал еще одной пещеры, напоминающей своими очертаниями огромный колонел. Не случайно и названа она Колокольной...

Приближался вечер. Что ж, пора обсудить дальнейший маршрут, чтобы рано утром отправиться в новый поход. Сильно еще интересно идет туристам на пути!

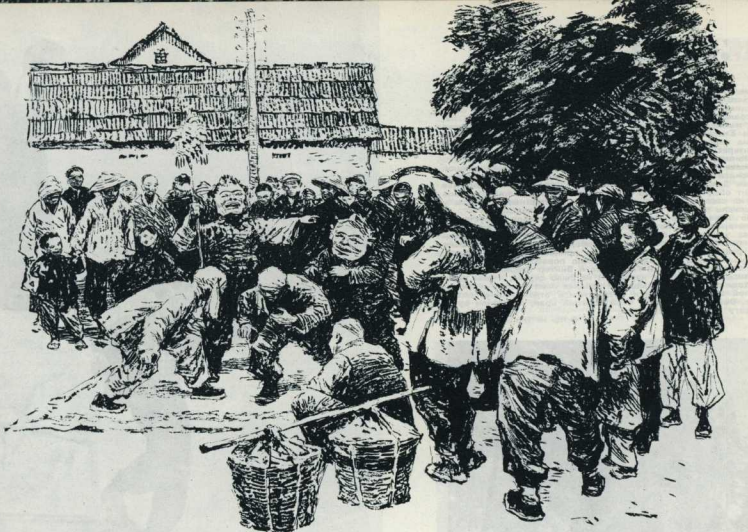

Рисунок П. Пивоварова.

ДИН ЛИН

СУДЬБА АКТЕРА

Читателям «СМЕНЫ»

Дорогие книги советские друзья!

Мне хочется сказать вам о том, что китайский народ и в особенности китайская молодежь хорошо знают вашу жизнь и вас самих по различным произведениям литературы, а также по искусству и кино. Они горячо любят вас и с огромным вниманием следят за вашими успехами. Они любят Зою, любят молодозабойцев, любят Матросова... Они восхищаются вашей кипучей жизнью, вашей любовью к науке, технике, поэзии, искусству, вашей любовью к труду, вашим интересом к общественно-политическим событиям, происходящим во всем мире. Они ставят вас себе в пример.

Все это я говорю совершенно искренне. Я полагаю, что не только китайская молодежь, но и молодежь всего мира так же пристально следит за нашими успехами.

Такое отношение к нам вовсе не случайно. Оно объясняется тем, что в годы Отечественной войны, в годы строительства социалистического общества в СССР вы отдавали свою молодость, все свои жизненные силы на благо Родины, и наши поэты воспели советскими пастельными и поэтами. Вы по праву искали всеобщую любовь и уважение.

В Китае есть пословица: «Героическое порождает героев». Надеюсь, что у вас всегда будет так, как говорится в этой поговорке. Пусть жизнь ваша будет всегда такой же яркой и сверкающей, как осенние цветы!

ДИН ЛИН

В очерке «Судьба актера» известная китайская писательница лауреат Сталинской премии Дин Лин рассказывает о событиях, относящихся к периоду борьбы китайского народа против японских империалистов и гоминдановской реакции.

С 1935 года основной базой китайской революции, ее центром являлся Особый Пограничный район Шаньси — Ганьсу-Нинси. Именно здесь, в сердце Пограничного района — городе Яньани, в мае 1942 года состоялось совещание по вопросам литературы и искусства, созванное Центральным Комитетом Коммунистической партии Китая, на котором выступил товарищ Мао Цзэдун. Это выступление вдохновило всех работников литературы и искусства освобожденных районов, а также прогрессивных деятелей культуры, проживавших на территории, находившейся в руках гоминдановцев.

На примере инсценированного пути актера Ли Бу в очерке ярко показано стремление лучших представителей старого китайского искусства к новой культуре, к новой жизни.

Очерк «Судьба актера», который на русском языке публикуется впервые, интересен танцем и тем, что все его герои — живые люди. Они и сейчас принимают активное участие в культурном строительстве народного Китая.

Есть в провинции Ганьсу города Пинлян и Лунда. Ли Бу появился в этих краях в 1925 году. До этого он обитал в городе Пуцзи провинции Шаньси, куда сбегал из Лоучуаньской театральной труппы. Когда он пришел в Ганьсу, на нем был ветхий халат и старая соломенная шляпа, а подмышкой — маленький узелок. Сидит он, бывало, перед чьим-нибудь домом или перед лавкой, закинет ногу на ногу, как на сцене, вытаскивает кистанеты, закурится и запоем. А пел он чаще всего любимые народом песни о счастье:

Сначала желаю вам золота труппу и счастья большого.
Затем повелю согласия в доме и во всем благо;
еще повелю, чтоб жили в богатстве, в почете вы многие годы...

Соберется вокруг него народ, а он прервет песню и, протягивая слушателю небольшую книжечку с названием пьесок, скажет:

— Подайте, почтенные, страннику бедному... Не считайте за труд, скажите, драгоценные, что спеть вам? А если придется не по вкусу мое пение, будьте милостивы, не выщипте...

Так и перебивался Ли Бу подаянием.

По ночам забирался он в какой-нибудь храм, укладывался, скривившись, под высокими сводами и вспоминал свою юность. В двадцать четыре года Ли Бу взял подиряд на строительство городской стены с башнями в уезде города Аньм. Под его началом рабочие возвели высокие леса... Как раз в это время из родного города Юэчжи к нему приехал старший брат, обучавший его

строительному мастерству. Возвратиться домой, брат сказал старому отцу: «Ли Бу молодец! У него дело пойдет, за него нечего беспокоиться».

Да, в те времена Ли Бу, действительно, был хорошим плотником и каменщиком.

Но уже тогда он пристрастился к театру, полюбил народные драмы и музыку! Он постоянно напевал песни из этих пьес. Иногда настолько увлекался пением, что даже забывал о работе. Каждый год весной Ли Бу с группой исполнителей устраивал праздничные представления. Не случись неурожайного года, он, пожалуй, не приехал бы в Хубэй, не встретился бы в городе Ичэне с Ань Лао-лю, который обнаружил в нем актерские данные и уговорил выступать в труппе. В тех пор Ли Бу стал известным комическим актером.

Он любил свое ремесло и находил в нем полное удовлетворение. Однако в старом Китае постоянно приходилось испытывать на себе гнет женщин и чиновников: они относились к актерам, как к вещи. Ли Бу бежал из труппы и стал бездомным уличным певцом.

В районе Лунчэня все знали Ли Бу, но никто не представлял себе, что ему часто приходится ночевать где попало: в отдаленных деревенских, заброшенных храмах. Он возненавидел тех, кто довел его до такой жизни... Ли Бу часто задумывался над тем: «Будущие: вот ему под тридцать, сейчас он еще кое-как прожит, но что станет с ним в старости?»

Танулись дни, а Ли Бу никак не мог по-прежнему жить жизнью — продолжал скитаться по деревням, ибо ничто не являлось ему сильнее, чем профессия актера.

Тогда в тех краях больше, чем хлеба, сели опийного мака. Ли Бу уже давно пристрастился к этому наркотику и каждый раз во время уборки урожая все заработанные деньги обращал в опиум. Но курил он экономно, стараясь побольше накопить денег. Когда в его руках оказалось лянов³ семидесять опиума, он отправился в Северную Шаньси и поселился в городе Аньшэнь. Здесь все еще не сгруппировалось еще несколько актеров, и, так как Ли Бу обладал запасом опиума, он стал во главе труппы. И снова начался представление с участием Ли Бу.

Шли дни. Проходили годы. Народ любил и завладал труппу Ли Бу не только за мастерство, с которым она ставила пьесы и музыку, но и за то, что в своих постановках актеры не восхваляли чиновников и богатых, а показывали жизнь народа. Однако Ли Бу попрежнему не निकл ни гроша за душу, а если и удавалось ему заработать немного денег, — все они уходили на содержание целой оравы бродячих актеров.

Однажды к Ли Бу завязался сваха, узнавшая, что бездомный актер не прочь бы жениться, и предложила в невесты вдову.

— Женщина она неплохая: прилежная, боржливая, с такой не пропасть, — говорила сваха. — Только вот один у нее недостаток: отец был барабанщиком. А ты ведь хозяин театра, не увидишь ты тебя такой женщиной!

— Барабанщик так барабанщик! — ответил Ли Бу. — Он уже помер и не имеет к ней никакого отношения. А стану когда-нибудь барабанщиком, — говорил начальник — и моя жена будет госпожой. Пока же я обыкновенный актер, — вряд ли кто выйдет за меня дочь без денег. Сойдет для меня и вдова!

Так Ли Бу женился, не посмотрев и на то, что вдовы был ребенком.

В тридцатом году Ли Бу продал весь свой театраль-

ный реквизит и начал стюартирять. Однако военные начальники снова заставили его выступать в театре, и он возвратился домой только через год с лишним. К этому времени ему исполнилось сорок два года. Он решил окончательно порвать с бродячей жизнью и обосновался с семьей в пригороде Фусяня.

II

Прошло лет восемь. Все эти годы Ли Бу не выступал в театре, но, как и прежде, участвовал в янг⁴ во время праздников весны и уезда. Фусянь то и дело происходили стычки между народными партизанскими отрядами и войсками гоминдановцев. Однажды тогда до нас врагам, что Ли Бу связан с партизанам, в этот была доля правды: он помогал партизанскому отряду Бэй Богаочэ, помогая беднякам. Ли Бу стал преследовать.

Ни события, ни время не заглушили интереса Ли Бу к народным драмам и музыке, и, когда в сороковом году в Фусянь приехал народный театр, старый актер не прогнул ни одного спектакля.

Однажды кто-то из зрителей узнал его и заговорил с ним о спектакле.

— Что ж — сказал Ли Бу — пьеса хорошая, новая, она зовет на борьбу с японцами, учит людей, но играют ее все же по старинке. Было бы, конечно, лучше, если бы играли так же, как в уезде Мэй и Ху. Там поют — задушеливо!

Никто не знал, что в этот момент среди зрителей находился и Чжан Юнь — артист народного театра, исполнивший роли стариков. Еще мальчиком он видел Ли Бу на сцене и с тех пор стал почитателем его таланта. Услыхав голос Ли Бу, он стремительно бросился за кулисы, чтобы сообщить директору народного театра товарищу Кэ Чжун-пиню о талантливом актере.

К Чжун-пину, знатоку народного искусства, собирателю народных талантов и большой любитель творчества и музыки, бросился в толпу зрителей отыскивать Ли Бу.

— Я уже давно слышал о тебе, — заговорил он, обнимая Ли Бу. — Наконец-то мы встретились!

И они отправились за кулисы.

К Чжун-пину, этот покойный человек, очевидно, много повидавший на своем веку, пришлось по душе Ли Бу. Поглядывая бодро, Ли Бу заметил:

— Многие старые пьесы тоже звали к добру, да только путей не указывали. А просто звать к добру — этого мало! Ведь среди простого люда не так уж много какнет осознанных злодеев. Взять, к примеру, меня, старого актера: я курю опиум, и это, конечно, большой недостаток, но я никогда не бил людей и никого не обманывал. В нашей пьесе много хорошего, она народу путь ука-

зывает. Мне вот уже пятьдесят ступило, а я только сейчас, увидев вашу пьесу, многое понял...

Они говорили о пении, об игре актеров, о содержании и форме пьесы, о драмах и музыке, и много их взгляды оказались близкими. После спектакля, когда зрители разошлись, Ли Бу стал петь за кулисами. Кэ Чжун-пин с восторгом слушал пропустив и задушевно мелодию.

На следующий день Ли Бу снова пришел в театр. Кэ Чжун-пин пригласил угощение и познакомил его с артистами. Ли Бу тронула эта дружеская встреча.

— Поваля бы в я вам, — сказал он на прощание. — Я хоть и старый, но не собираюсь уносить знания в могилу. Очень хотелось бы мне передать вам свой опыт, да только дом не на кого оставить...

Кэ Чжун-пин выдал старому актеру немного денег, чтобы обеспечить семью, и Ли Бу поехал вместе с театром в Дяньюто.

Как раз в это время гоминдановцы стали засылать диверсантов в расположение гарнизона 8-й армии. На одном из спектаклей народного театра диверсанты открыли пулеметный огонь по зрителям. После этого Ли Бу, человек по натуре миролюбивый, предпочитавший все недоразумения разрешать мирным путем, еще больше возненавидел гоминдановцев и боялся, что коммунисты будут пользоваться тактикой авторитета у народа.

— Вот ты, — говорил он Кэ Чжун-пину, — человек грамотный, немало или прожитых в своем веку, добровольно пошел на такие мтарства ради просвещения простого народа. Пусть я актер старой закавы, но и мне хочется приносить пользу народу. Буду передавать свое умение молодежи...

Он действительно не делал секрета из своих знаний, и его ученики успешно овладевали мастерством старого актера.

Ли Бу не заговаривал больше о своем возвращении домой; он остался с театром и вместе с ним отправился из Дяньюто в Гуанчжоу, в заглав в Восточную Шаньси и Панграччунь район. Он не только обучал молодежь пению и игре, но иногда и сам выступал.

Первое время Ли Бу продолжал курить опиум. Кэ Чжун-пин знал об этом, но чтобы не задеть самолюбия старого актера, не показывал и виду, что ему известно о его пороке. Однако и директор театра и другие товарищи очень хотели помочь Ли Бу отделаться от дурной привычки. Они при случае тактично намекали ему на это. Ли Бу чувствовал, что его окружают люди, которые желают ему добра. Он был человеком слабохарактерным, но все же собрал все свои силы, перборол свою слабость и в один прекрасный день бросил курение. Никогда не думал он, что ему, заведному курящему опиума, удастся сделать это. Но курение, вошедшее в привычку, отдало организму, и пришло свое страшные плоды: часто мила посинела, ноги переставали слушаться, выпалады зубы...

³ Народное творчество уездной Мэйлао Хуэньшэ, говорящая Шаньси (прим. переводчиков).

⁴ Мера веса — около 40 граммов (прим. переводчиков).

⁵ Народные песенно-танцевальные представления, существующие в Китае с древних времен (прим. переводчиков).

Когда народный театр стал готовиться к возвращению в Яньши, Ли Бу твердо решил не поинтересоваться новыми друзьями. Его родные, правда, уже находились в Пограничном районе. Но Ли Бу всегда сжимал кулачки, горячо любил свою работу. Он не мог расстаться с молоденькой, которую учил, не мог отказаться от всей этой жизни, наполненной духом товарищества, взаимопомощи и дружелюбия. Он прекрасно понимал, что слушать народом, что трудится ради счастья всех обездоленных. Работа молодого, помогала ему глубоко почувствовать себя настоящим человеком. Так Ли Бу обрел в коллективе театра свою вторую семью.

В Яньши он встретил много старых знакомых и увидел, что народу здесь живется спокойно и счастливо. Руководящие работники, с которыми ему приходилось сталкиваться, отнеслись к нему с уважением, как к равному. Ему терпеливо разъясняли ему политику коммунистической партии, и, слушая их, Ли Бу радовался: все это было так непохоже на то, как отнеслись к нему чиновники старого общества. Глубоко расстроено, анимированно, он бросил за любое дело, которое ему было под силу. Пренебрегая опасностью, попылся актер отправился в занятые чанкайскими районами, чтобы закупить реквизит для народного театра. Там ему пришлось пережить много неприятностей, но дело свое он сделал.

В труппе Ли Бу обучал товарищей пению, игре. Благодаря его усилиям мастерство актеров народного театра значительно возросло. Зрителя находили, что теперь и игра и танцы стали лучше, да и хорошие новые пьесы появились.

Приходя к Ли Бу учиться народному творчеству актеры и товарищи Чжан Лу, исполнявшие впоследствии этот жанр в пьесах, которые ставила Академия искусств имени Ли Синя. Побывав у Ли Бу и многие молодые музыканты. Именно в течение этих двух лет в Яньшинский язык появились множеством неподвижных напевов, поэтизированных из драм языка.

Семья Ли Бу жила в достатке. Его жена ткала, а сын, ставший уже взрослым, сам зарабатывал себе на жизнь, да деревенское правление заботилось о семье артиста.

III

Ли Бу избрали делегатом на конференцию работников культуры и просвещения Пограничного района. На заседании одной из секций которой то-то выступивший заявил, что старых актеров не переделывай. Ли Бу поднялся и повел всем свою незамысловатую историю. Действительно, у старых актеров много дурных привычек, подчас даже пороков, говорил он, но то, что их нельзя переиспитать,—неправда. В старом обществе актеры угнетали, но как только перед ними открылась великая правда революции, они сразу просветели. Вот, например, сам Ли Бу. Много лет он курил опиум. Но, вступив на путь новой жизни, он сумел избавиться от этого порока.

В старую актеру ревниво оберегали от других свое мастерство,—продолжал Ли Бу.—А вот я... Я боюсь только одного, что не смогу как следует передать другим свои знания. Если мне удастся обучить молодых актеров, они понесут мое знание народу. Я всегда старое искусство а из устах старых новым, и это принесет мне радость!

Ли Бу предложил отказаться от мысли, что старого актера не переделывай. Все зависит от разносторонней работы актера. Один поддается перestroению быстрее, другие медленнее, но это уже вопрос времени. Слова Ли Бу встретили дружную поддержку.

Падаясь один год старей актер из народа испытывая на себе гнет и весь ужас мрачной действительности старого Китая. Бедный актер, курящийся опиума, затем бездомный уличный певец, уделом которого были одни унижения. А теперь он сидит в народном обществе революцион, известный миллионной людей его великой страной. На его стороне правда, так как он идет по новому пути.

Сокращенный перевод с китайского Д. ВОСКРЕСЕНСКОГО и М. ШНЕЙДЕРА.

ДЕВУШКА ИЗ ПХЕНЬЯНА

За кафедрой стояла черноволосая девушка-корейка. Волнуясь, она рассказывала о том, как жил народ ее родины до освобождения от японских империалистов. Это не была обычная вступительная речь диссертанта, изучивший материал по книгам. Перед слушателями выступала девушка, которая сама пережила все то, о чем говорила, о чем писала в своем первом учебном труде.

Ким Хи Ди было три года, когда умер от непосильного труда ее отец-батрак. Недолго прожила и мать. Куда пойти сироте, если кроме отца батраки или малоземельные крестьяне, обремененные семьями? Маленькая Ким воспитывалась у брата своего отца.

Когда девочка подросла, ей пришлось пойти работать: она начинала детей у директора школы. По вечерам, закончив хозяйственные дела, Ким сидела за книги. Тага к знаниям у нее была так велика, что она все же сумела получить начальное образование. Потом она давала уроки на дому, занималась рукоделием и на заработанные деньги училась в средней школе в Сеуле. Но денег все же не хватало, чтобы закончить обучение. Пришлось вернуться в родное село... Когда Советская Армия изгнала оккупантов из Кореи, для Ким началась новая жизнь. Она смогла закончить учебную школу и поступить в Пхеньянский университет, который окончила с высшим званием до того, как американские агрессоры назвали Северную Корею войной. Девушка добровольно ушла на фронт и отважно сражалась с оккупантами. В конце 1951 года она была направлена в аспирантуру философского факультета Московского университета.

Три с лишним года назад диссертантка пришла к нам, не зная ни одного слова по-русски,—сказала на защите диссертации деятельный член Академии педагогических наук профессор Н. А. Константинов, научный руководитель Ким Хи Ди.—А ведь нужно было написать диссертацию на русском языке. Работа предстала огромная.

Все товарищи по факультету трогательно заботились о дорогой гостье из Кореи, помогая ей овладеть языками. Много отзывов пролила сама диссертантка. Она и ее товарищи вывелила русским языком, изучила труды основоположников марксизма-ленинизма, работы Мао Цзы-дуна, Ким Ир Сена, директивы Трудовой партии и правительства Кореи. Народо-Демократической Республики, много внимания по вопросам советской педагогики. Тщательная и многосторонняя работа позволила Ким Хи Ди досрочно закончить диссертацию. И вот ее первый научный труд—«Школа и просвещение в Кореи (1900—1945 гг.)—отдан на суд советских друзей.

Ким Хи Ди кратко излагает историю развития образования в ее родной стране. Иностранцы-колониаторы, долгие годы оккупировавшие и грабившие Корею, умевшие заботиться о просвещении народа. Во времена господства японских империалистов всего 6 процентов женщин могли получить начальное образование. А в среднем и высшем образовании почти бы и думать. Предполагая всюду велось на японском языке, объявленном официальным государственным языком. Корейский язык был как бы вне закона. Чтобы поступить в школу, требовалось свидетельство об изучении японского языка. Чужеземные хозяева Кореи неуклонно придерживались расистских концепций буржуазных «теоретиков» о неполноценности корейцев, о якобы вековой отсталости этого народа. Они не только помешали развиваться народному образованию, но как открыто выражали свои взгляды на бывших японских генерал-губернаторов в Кореи, Терацун, воспитать примерных граждан японской империи. В этом деле им оказывали помощь христианские миссионеры из США—залучники американского империализма.

После провозглашения в Северной Кореи Народно-Демократической Республики двинулись и начались учебные заведения широко распахнулись для народа. Уже в 1950 году в начальных школах Северной Кореи обучалось не менее 93 процентов детей. Количество средних учебных заведений увеличилось по сравнению с 1944 годом в 22 раза, в числе учащихся в них — в 23 раза. Создано более 3 700 вечерних школ, рассчитанных почти на 145 тысяч слушателей. До освобождения в Северной Кореи не было высших учебных заведений, если не считать политехнических школ для молодежи. А сейчас в республике 17 вузов, в том числе такие крупные, как Пхеньянский университет имени Ким Ир Сена, Академия общественных наук, индустриальный, медицинский и сельскохозяйственный институты.

— Народ Кореи. Народо-Демократической Республики навсегда уничтожил старую, реакционную систему воспитания и обучения и заменил ее новой, демократической системой, отбросив все, что интересовало угнетателей,—сказала в заключение Ким Хи Ди.

Диссертантка собрала большой фактический материал, творчески осмыслила его и в ряде случаев высказала свои оригинальные суждения.

Все выступающие высоко оценили работу молодой корейки.

— Эта диссертация,—сказал официальный научный руководитель, профессор В. С. Шеняков,—первый опыт работы над диссертацией историка корейской педагогики, но существенным образом восполняет пробел в историко-педагогической литературе и будет служить одним из источников для дальнейшего изучения истории школы в области педагогической мысли в Кореи.

Ученый совет философского факультета Московского государственного университета единогласно присудил корейской аспирантке Ким Хи Ди учную степень кандидата педагогических наук.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Хорошо пройтись под парусами, особенно в свежую погоду! Сильно нужно свое умение владеть парусами, чтобы переждать повороты фордевинга или овладеть волнами спелой зрелости. Это искусство, находчивость. Поэтому он и привлек молодых спортсменов города Владивостока. На яхте в дальние моря яхтсмены вышли в море.

Фото В. Кругликова.

Десять лет тому назад Закарпатская Украина воссоединилась с Советской Украиной. Народам Закарпатья открылся путь к новой, счастливой жизни. Посмотрите на лица молодых рабочих Свалявского лесохимического завода имени И. В. Сталина — сколько радости и забота в их улыбках!. После трудового дня они с увлечением готовятся к смуту художественной самодеятельности завода.

Фото Н. Хорунжего.

СЕРДЦЕ ПАТРИОТА

В начале 1945 года в фашистском концлагере Даутмергене был убит гитлеровцами талантливый сын закавказского народа, поэт-комсомолец Дмитрий Вакаров. Это был человек светлого сердца, настоящий патриот. Дмитрий Вакаров прожил всего двадцать пять лет. Его жизнь была короткой, но яркой.

Родился Вакаров в 1920 году в Закарпатье в семье крестьянина. Детские и юношеские годы будущий поэт провел в нищете. Он рано начал задумываться над проблемами тяжелой жизни простых людей. Еще будучи учеником Хустской гимназии, Дмитрий Вакаров стал на путь революционной борьбы. Трижды его арестовывали за антигосударственные действия.

В 1939 году поэт горячо приветствовал советских воинов-освободителей, вступивших в Западную Украину:

Мы этот час так долго ждали,
Так много, много лет...

Поступил осенью 1941 года на филологический факультет Будапештского университета, Дмитрий Вакаров установил связь с антифашистским подпольем. А в 1944 году его арестовали фашисты и приговорили «за измену родине» к вечной каторге. Вакарова бросили в фашистский концлагерь Дахау, откуда в Нацивейлер, затем перевели в Даутмерген. В тюремных застенках поэта издевали, подвергали жестоким пыткам. Но ничто не сломало воли комсомольца. Мужественно перенося мучения, Вакаров создавал боевые, оптимистические стихи.

К нем дошла только часть произведений поэта. Судьба последних, наиболее зрелых стихотворений Вакарова, конфискованных фашистской полицией, до сих пор неизвестна.

Стихи Дмитрия Вакарова, полные любви к родному народу и веры в светлое будущее, нельзя читать без волнения. В каждой строке, в каждом слове бьется горячее сердце патриота, мужественного борца за свободу и счастье родины.

А. РОГОТЧЕНКО

Рис. А. Паукова.

РАССВЕТ

Моя песня от хаты до хаты
разнесет мою веру в рассвет.
Я пришел, чтобы петь о Карпатах,
чтобы встретить свободу и свет.

Я пришел поклониться народу,
я пришел на борьбу его звать.
Я пришел, чтобы петь о свободе,
за свободу с народом встать.

И когда все на праздник придут,
меня вспомнит родные сердца.
И я верю: меня не забудут,
мой песни спойт до конца.

ТЫ ДАЙ МНЕ ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ...

Отец*, ты скитался по свету,
Ты счастья искал.
Но не было счастья и негу,
Ты горе лишь знал.

Ты верил: поможет молитва
В неравной борьбе.
И ж верю: поможет лишь битва
И мне и тебе.

Ты дай мне великую силу,
Мне силу внуши,
Чтоб сделать ту силу мерилом
Мятежной души.

Ты дай мне великое сердце,
Без края, без дна,
Чтоб в сердце горела, как солнце,
Любовь лишь одна.

В том сердце согреть и ликуя,
В том сердце сердцем,
С синовей любовью вмещу я
Тебя, мой отец.

Тем сердцем согреть в дороге
Бессильных людей,
И песню спую я им много
О силе людей.

* Отец поэта Стэфаний Вакаров
видел исцелять счастья в Америке. Там
на пивоварных, винзаводных работах
подорвал здоровье. Возвратившись
в родное Закарпатье, предприниматель
не умер.

ИЗМЕННИКУ

Ты пьешь вино,
я воду пью.
Ты пьешь коньяк,
я горечь пью.

Что хвалишь ты,
то я браню.
Ты продава честь,
я честь храню.

Ты любишь чин,
я труд люблю.
Ты любишь грош,
я жизнь люблю.

Ты любишь кнут,
ты бьешь кнутом.
Я правдой бью,
я бью пером.

Не видишь ты,
что вижу я.
Что знаешь ты,
всё знаю я.

Я на тебя
недаром злюсь.
Однажды я
с тобой столкнусь!

ЛЕСОРУБЫ

Вышли с ношей на дорогу
Лесорубы-батырки,
Груз несут, заводят песню,
Поднимают кулаки.

— Что несете, лесорубы?
— Горе старое несем.
— Что несете, лесорубы?
— Песню новую несем.

— Вы кому несете горе,
Урожай кулаком?
— Мы магнатам и буржуям
Наше горе отнесем.

— Вы о чем поете песню
На откосах синих гор?
— О свободе мы заводим
Песни с давних пор.

БУНТАРИ

Детство без ласки,
жизнь без любви.
Плывет так страстно
жизнь в крови.

Ждем мы с Востока
вола и свет.
Братьям далеким
шлем мы привет.

Хватит молитвы;
жизнь, горы!
Жизнь наша — битва,
мы — бунтари!

Ждем мы с Востока
красный рассвет.
Братьям родным —
братский привет!

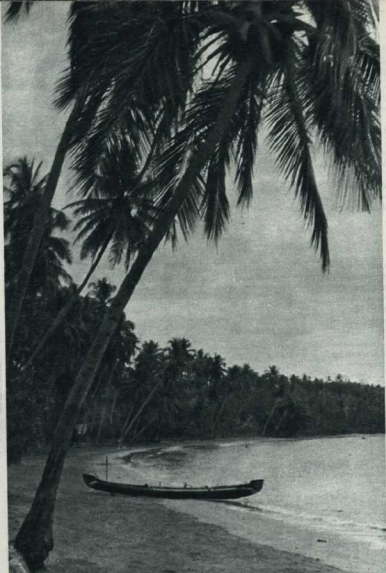
МОЙ ТОВАРИЩ

Кто любит молот,
Кто любит пилу,
Тот мой товарищ,
Мой брат и друг.

Кто ценит волю,
Кто ценит труд,
Мои призывы
Того найдут.

Кто проклял рабство,
Кто проклял гнет,
Тот путь к свободе
Со мной найдет.

ОСТРОВ ВЕЧНОГО ЛЕТА

Путевые заметки директора советского павильона на выставке в Джакарте

Столица Индонезии Джакарта — своеобразный город с почти двухмиллионным населением. Центр Джакарты имеет вполне современный европейский вид. Он застроен впечатляющими зданиями правительственных учреждений, контор, банков, особняками местных и иностранных богачей. По асфальтированным улицам движутся автомобили самых различных марок, мелькают трамваи. В густом потоке транспорта часто можно увидеть трехколесные велосипедные тележки, которые здесь называют бичи, двухколесные ярко раскрашенные повозки с запряженными в них вилорогими лошадуками.

На тротуарах шумит пестрая толпа. Оригинальна национальная одежда индонезийцев. Мужчины носят черные штанишки, белые рубашки и броки. Наряды женщин сшиты из яркой местной ткани «батик». Эта ткань искусство украшения орнаментами, изображающими птиц, зверей и цветы. Необычное для европейца зре-

лино привлекает внимание: вид городов высоко в широм небе, пирамид бумажные змеи. Треугольные, квадратные, корабельные, склеенные в виде драконов, они ярко раскрашены и ошпиганы трюфелью. Их с удовольствием пускуют и дети и взрослые. Как мы потом узнали, в Джакарте бываю даже соревнования по запуску воздушных змеев, пользующиеся большой популярностью. Своеобразна главная площадь столицы — Мердека, что означает «Свобода». Это — огромное зеленое поле, на котором островитяне поднимают купы тропических деревьев. На этой площади обычно устраиваются военные парады, демонстрации, различные народные торжества.

Через весь город титит спол жезлые воды река Чилиунг. На се берегах всегда многолюдно. Здесь стривют болы, купаются, спясают от нестерпимой знои. А жарко бывает круглый год. В Индонезии вет весны, лета, осени и

зимы. Год делится на два сезона: так называемый влажный, продолжающийся с ноября по март, и сухой — с мая по сентябрь. Колебания температуры незначительны, почти всегда стоит ровная жаркая погода.

Тропикам складывается свой отпечаток на жизнь и облик города. С часу до четырех часов дня, когда солнце стоит почти над головой, жизнь в городе замедляется: акрываются занавески и лавки, прекращают работу учреждения.

Столица Индонезии, как и другие города республики, в последние годы быстро растет, благоустраивается. В Джакарте создается новый жилой район с асфальтированными широкими улицами, с водопроводом и канализацией. В оборудованных всеми удобствами домах нового района живут, конечно, не бедняки, а люди состоятельные. В новом районе, да и на других улицах Джакарты, строятся многоэтажки. Это очень показательно для молодой Индонезийской республики. Ведь более четырех пятых населения страны не умеет ни читать, ни писать. Сейчас в Индонезии объявлено борьба с неграмотностью — этим тяжелым наследием, оставшимся от колонизаторов. Правительство учреждает школы, дающие только общее образование, и профессиональные навыки. Половина индонезийских ребят школьного возраста уже учится.

Окраины Джакарты выглядят совсем по-иному, чем благоустроенный центр. Здесь тесно лепятся друг к другу убогие лачуги и хижины. Каналы с грязной водой загрязняют население водопровод и канализацию.

В столице Индонезии есть и такой район, какого не увидишь ни в одном другом городе. Этот район похвалю нам наш шофер Муджанни. Он живет вблизи в сторону нового порта. Когда позди остались утравившие в земле виллы и особнячки, мы увидели настоящий тропический лес. Шофер сверху показало и повел машину в тени банановых деревьев и кокосовых пальм. Вскоре мы увидели притянувшиеся возле пальмовых стволов хижины. Их было много. Вся опушка леса была буквально навалита хибарками. В одной из них жил и наш шофер со своим семейством. Его небольшое жилище ничем не отличалось от соседних. Сказано оно было из бамбука и пальмовых листьев.

Встречать нас высматривала все домочадцы Муджанни, который стал представлять из по отперды. У шофера оказалось тринадцать детей в возрасте от года до тридцати лет. Старший сын был женат. Он тоже имел свою ребят. Мы так и не поняли, какие из ребятские дети Муджанни, какие — внуки. Трудно представить себе, как эта огромная семья помещается в таком маленьком жилище. Но в соседних хижанках было не просторнее. У индонезийцев вообще семьи большие: двенадцать — пятнадцать детей — это обычно.

После обеда мы осмотрели этот необыкновенный район Джакарты. Муджанни объяснял нам, что тут живет значительная часть населения столицы.

...

Из Джакарты мы поехали на «ЗИМ» по острову Ява — самому населенному из всех островов, входящих в состав Индонезийской

республики. Наша машина была единственным советским автомобилем не только в Джакарте, но и во всей Индонезии. Когда мы останавливались где-нибудь на улице, вокруг нас шло «ЗИМ» сразу собиралась толпа.

О Советском Союзе в Индонезии знают очень мало. И все же мы часто встречали среди индонезийцев искренних друзей нашей страны. Таким был и наш переводчик Внона. Это подлинный человек вызывает особенное прохаживание толпы среди индонезийцев. Сила подкладкой которой можно было видеть фабричную марку: «Москвобюджет». Эту кепку так же узнали на Яве, как и наш «ЗИМ». Для того налад кепку подарила Внона один матрос с советского парохода. Палившее солнце и тропические ливни превратили это событие не самое серьезное произведение «Москвобюджет» в бесформенный серый блин, но Внона с трогательным постоянством продолжает носить кепку, считая ее чуть ли не самым ценным своим имуществом.

...Наша машина мчалась по прямому, как стрела, шоссе, на котором недавно лежали длинные тени пальм.

Из окон машины мы любовались богатой природой острова. Кавалось, будто дорога проложена в гигантском ботаническом саду. Тенистые плавящиеся сосиски и балансы стремилась зарослями сахарного тростника высотой в два человеческих роста. Ровными рядами тянулись каучуковые деревья с томкозлыми блестящими листьями. На каждом дереве вокруг ствола сделана спиральная канавка, по которой стекает в жесткие бидоны беловатый сок.

Часто здесь вдоль шоссе тянулись рисовые поля. Рис — основная сельскохозяйственная культура в Индонезии. Крестьяне используют под рисовые посевы не только поля, но и склоны гор и холмов. На Яве царит вечное лето, и земля, согретая лучами южного солнца, поитая тропическими ливнями, дает по три урожая

Индонезийская ткань — бати — украшена яркими орнаментами.
Фото В. Микши и И. Сокольниковых.

в год. Поэтому одни рисовые поля стоят изумрудно-зелеными, а другие — уброяны уже урожая, а третьи — еще только обрабатываются.

Вот у самого шоссе по залитой водой рисовому полю пара буйволов медленно тянет деревянную соху. За сохой по колесу в жаждой грязи идут крестьянин в широкой шляпе.

Сельское хозяйство в Индонезии ведется самым отсталым способом. Это результат долгого господства колониаторов. Господствующая компания в течение трех веков владела землей индонезийских крестьян, на которой возделывали плантации сахарного тростника, каучука, хлопчатого дерева. Да и сейчас еще основная масса земель в Индонезии принадлежит иностранцам. Огромное же большинство индонезийских крестьян либо совсем не имеет земли, либо владеет участками меньше одного гектара.

Живут крестьяне в хижинах. В некоторых из них мы побывали. Обычны эти примитивные сооружения, построенные на сваях, чтобы во время ливней вода не затопила помещения. Стены сделаны из плотной бамбуковой сетки, а крыша — из рисовой соломы. В хижине всего одна комната. Печь нет.

В таких же хижинах жили крестьяне еще в те далекие времена, когда на Яву приходили корабли Магеллана. Странно видеть сейчас эти хижины, стоящие над землей, по которому мчатся автомобили, а вдоль обочин уходят к синей черте горизонта стальные мачты электростолбов.

Чем дальше отсезжали мы от Джакарты, тем чаще попадались нам тропические леса. Они поражают своими размерами и пышностью. Фигуры, клонящиеся деревья, крошечные папоротники — все это здесь семидесятиметровой высоты. Их стволы и ветви, перелетные яныки, образуют непроходимые джунгли.

Желтый мир островов Ява чрезвычайно богат. Здесь водятся зигры, леопарды, носороги. Олджай мы свернули с шоссе на берег небольшой реки. Возле самой воды грелись на солнце два крокодила — не такие, как мы видели в Московском зоопарке, а метров по пяти длиной. Один из них открыл зубастую пасть, и у нас появилось желание купаться в живописных яванских реках.

Многие яванцы охотятся на крокодилов. Это — выгодное занятие. Из крокодиловой кожи изготавливают дамские сумочки, портмоне и другие вещи. На шифер в молодости тоже охотились выделкой изделий из кожи крокодилов и питонов. Он даже сам охотился на питона — огромных удавов, которые на Яве достигают десяти метров длины. Их мясо у индонезийцев считается деликатесом и ценится очень высоко.

Мужджин рассказал, что существует два способа охоты на удавов. Первый способ очень прост и остроумен: небольшой участок в джунглях ограждается бамбуковыми палками, расстояние между которыми постоянно для того, чтобы проползли змеи. Охотник оставляет в загороде поросенка и уходит. Удав, обнаружив жертву, заползает в ловушку, душит поросенка и загрызает его. Но теперь этот уже не может вернуться за загороду; раздувшийся телом не проходит между бамбуковыми палками. Охотник, не под-

вергаясь опасности, убивает питона.

Второй способ менее трудоемкий, он не требует затрат, зато более опасен. Отсыдав палочку, охотник вытаскивает один конец палки в землю, а другой удавляет подмышку, прикрывая грудь. Удав бросясь на человека, но палка мешает ему сразу сделать смертельный Искусство такой охоты состоит в том, чтобы не дать питону обвить правую руку. Уачин момент, охотник сильным ударом ножа рассекает удаву горло, и у того — приступ мгновенной паралича. Нужна много ловкости, силы и хладнокровия, чтобы охотиться таким способом.

Дорога извивается по склонам невысоких, но довольно круглых гор. Пейзаж меняется. В предгорьях мы увидели плантации ананасов. Они чем-то напоминают капустные поля: ровными рядами на земле торчат палки в темзеленых листьях.

На перевале — 1800 метров над уровнем моря — выходим из маджалы. Температура здесь около двадцати градусов по Цельсию. Хочется попольнее подышать прохладным воздухом. Однако наши спутники торопят нас: — Едемте скорее, а то мы заведем.

Конечным пунктом нашей автомобильной поездки был город Бандунг. Это центр провинции Западная Ява. Его население составляет около семидесяти тысяч человек. Расположенный в горах, Бандунг славится чистым воздухом и более прохладным климатом, чем Джакарта. Сюда на отдых со всех концов Индонезии съезжаются богатые иностранцы. Но Бандунг не только курорт. Помимо ресторанов, гостиниц и вилл, в городе есть крупные железнодорожные мастерские, консервные, керамические, текстильные предприятия, большая фабрика хлопчатобумажной пряжи и хлопчатых тканей.

С весны этого года Бандунг стал всемирно известным городом. Здесь проходила Конференция стран Азии и Африки. Впервые в истории собрался вместе представители народов, борющихся против колониального гнета. В зале Свободы присутствовали делегаты 29 стран, население которых составляет половину всего человечества. Конференция вынесла суровый приговор колониальной системе империализма и твердо высказалась за мир между народами.

Города и села Индонезии хранят немало памятников древней культуры индонезийского народа. История этой самобытной культуры насчитывает тысячелетия.

Мы решили посмотреть замечательный архитектурный памятник — древний буддийский храм Боробудур.

Из Бандунга выехали на поезде. Железные дороги на Яве узкоколейные. Вокруг поставлены на колеса так низко, что кажется, будешь ехать в автомобиле. Наш путь лежал через Джокьякарту — крупный культурный центр, где находится один из двух университетов Явы — Государственный университет Гажа Мада.

На одной из станций, когда до Джокьярты оставалось еще четыре сажки, к составу прицепили две бронированные солдатыми и пулеметами. В тамбуре каждого вагона разместились автоматчики. — Это охрана от бандитов, —

объяснил нам переводчик. — Поезд пойдет ушьем. Это самый опасный участок пути. Здесь часто бывают нападения террористов.

На Яве еще много банд, вооруженных автоматами и пулеметами, имеющих даже свои автомашины и типографии. Оружие и деньги бандиты получают от американских империалистов с помощью некоторых иностранных плантаторов. Бандиты пытаются подыгать население против существующего строя, разжечь междоусобицу войну.

Но индонезийский народ не поддается на провокации. В упорной и кровопролитной борьбе он добивал себе независимость. Господство колониаторов в Индонезии продолжалось свыше трех столетий. В начале 1942 года страну оккупировали японские захватчики, установившие режим, ничем не отличавшийся от голландских порабощателей. Индонезийский народ повел вооруженную борьбу против новых оккупантов. В 1945 году была провозглашена Индонезийская республика. Но голландские колониаторы не захотели с этим мириться и пытались силой оружия восстановить свое господство. Почти четыре года в этой борьбе погибло около 6 миллионов индонезийских патриотов.

— Наш народ не допустит возвращения старого, — сказал нам переводчик.

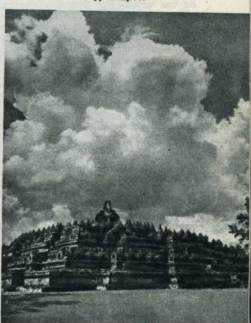
Поезд благополучно миновал опасную зону, прибыл на равнину Кефу, к храму Боробудур.

Этот буддийский храм построен в IX веке. На площади возвышаются одна над другой бледно-белые ступенчатые террасы. В центре это колоссальное сооружение увенчано паголой. На террасах размещены 72 малые ажурные пагоды с фигурами Будды внутри. Храм украшен многочисленными рельефами, высеченными на камне. Боробудур — знаменитое произведение индонезийского искусства.

Пять месяцев мы пробыли на плантации и в овражках, разговаривая с людьми различных убеждений и социального положения. Мы прониклись глубоким уважением и симпатией к народу — трудолюбивому, мужественному, стремящемуся к знаниям, к новой, лучшей жизни, к миру.

Д. БУРДИН

Советский павильон выставлен в Джакарте.

Храм Боробудур — выдающееся произведение индонезийской архитектуры.

На одной из улиц Джакарты.

Василий АРДАМАТСКИЙ

Продолжение. Начало см. «Смена № 11».

Григорий Окаемов, сын полковничего офицера, в первые дни Великой Отечественной войны перебежал к врагу и стал прокурором в лагерях военнопленных. После окончания войны Окаевова прибрала к рукам американская разведка. Он назначенчиком школы шпионажа и диверсии.

4

Одно задание смеялось другим. За пять лет Окаевова успел побывать во Франции, Польше, Испании, Египте и Иране. Всюду он действовал нагло и изобретательно. Страх овладевал им только на обратном пути в Мехико. Окаевова боялся, что ему скажут: «Теперь — в Советский Союз...»

От этого страха он не мог избавиться. В Полтаве Окаевова случайно оказался в одном куте с известной советской актрисой. Они разговорились по-немецки, и Окаевова вел себя так глупо, что актриса, смеясь, сказала: «Вы так смотрите, точно боитесь меня». Да, он боялся каждого советского человека.

Однажды Барч, в это время работавший одним из заместителей начальника европейского отдела разведки, пригласил Окаевова к себе на дачу. Белье, бутылка о пустяках, они гуляли по численному, тоном подстриженному и причесанному саду. Вечером сели играть в шахматы. Расставляя фигуры, Барч задумчиво прояснял:

— Все-таки самый серьезный наш противник — это русские. А мы действуем в России удивительно бедно. Бесполезно толттане на месте, провалы... Прогнито думать об этом! Окаевова насторожился.

Мягкий ослепительный свет настольной лампы отбрасывал в противоположную сторону шахматной доски. За окнами веранды уже совсем стемнело. Над горизонтом дрожало оранжевое зарево: там был Мехико.

Партия только началась. Барч рассеянно смотрел на фигуры, оживлял ходя партнера, который играл очень осторожно. Обычно Барчу это нравилось, но сегодня хотелось поскорее окончить игру и приступить наконец к разговору, ради которого он и пригласил Окаевова.

— Предлагаю отложить нашу партию, — сказал Барч, откидываясь на спинку кресла. — Это ведь девятый даже гротескнейший. Не так ли?

— Можно и отложить, — глухо отозвался Окаевова, не подымая глаз.

Барч встал: — Давайте включим радио. По-слушаем, что говорят русские...

Окаевова подвинулся к приемнику. Москва сообщила о торжественных проводах молодежи, уезжающей на последние недели. Потом уральский стареяв рассказывал о своем новаторском почине, позволявшем значительно увеличить производительность труда. Говорилось о предстоящем открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, о завоевании советскими хоккеистами первенства мира, о премьере в театре оперетты. В сообщениях из-за границы были приведены отклики зарубежной печати о достижениях советских ученых по применению атомной энергии в мирных целях.

— Ну, что они там поведают миру? — спросил Барч.

— Обычная пропаганда, — пожал плечами Окаевова.

— Неужели вы считаете, что у них все плохо? — усмехнулся американец.

— Нет, я этого не считаю. Они знают, чего хотят, и добиваются своего с завидным упорством.

— Я не одобряю тех наших газетчиков, которые уверяют нас, будто Советы — слабый противник, — окликнул Барч. — Мы должны смотреть на вещи по-деловому. Москва — это теперь не только Москва, но и Пекин, Прага, Варшава — треть человечества, черт побери! И к тому же у них есть атомная и водородная бомбы. И еще кое-что, о чем мы, к сожалению, почти ничего не знаем. Мы вообще очень слабо осведомлены. Год назад наши люди пронахали о существовании в России института некоего профессора Вольского. За это время мы узнали только, в каком городе он живет и где институт. Все попытки узнать больше окончились скандальными провалами. Профессор Вольский — объект огромной важности. Вверху прилетел Никольс. Он просто в бешенстве, вызывает нас бездельниками, трусами. Его вываляли в Вашингтон на голубойку. Видать, ему как следует досталось от начальства.

Помолчали. Прошла мучительная для Окаевова минута.

— Не хотите ли вы поближе познакомиться с профессором Вольским? — неожиданно спросил Барч, испытывая гнев на собеседника, но не зоркоился с ответом. — Думаю мне, что только вам по плечу это знакомство. К тому же, надеюсь, вы не откажетесь от места, о которой так хорошо говорила мне во время нашей первой встречи. По-человечески и откровенно понимаю, что это для вас задание трудное. Но в случае удачи вы получите преимущество перед всеми. Можно будет думать о работе в Штатах...

— Я вовсе не собираюсь уходить с оперативной работы, — сухо сказал Окаевова.

— Во всяком случае, запомните, что удача — это гарантия всех наших дальнейшей жизни... Ухорок, — перебил его Окаевова, — согласен. Только прошу не топтать меня с подложкой. Прикажете аппарат считать мое обращение делом номер один и выполнять все мои просьбы.

Безусловно!

— Окаевова готовился к операции почти два месяца, удивляя всех педантичностью, с которой он преискусничал всякую мелочь. Никольс злился его медлительности, но Барч всечасно выторговывал своего учителя.

Накануне всех притомления были вконец. План операции, разработанный Окаевовым, получив одобрение Окаевова стили себе три варианта: посещение дачного участка института Вольского, уничтожение института и самого профессора. План был построен таким образом, что в случае непредвиденных осложнений Окаевова мог ограничиться одной из этих задач.

— Одно мне непонятно, — сказал Никольс при обсуждении плана. — Вы в начале операции появлялись под своим настоящим именем?

— Да. Во-первых, это ход, совершенно неожиданный для противника. Если даже русские быстро нападут на след, мнение, которое создается у них обо мне, будет в конечном счете выгодным для меня. Во-вторых, это даст мне надежное прикрытие на первое время, пока я ориентируюсь, чтобы затем исчезнуть и появиться в совершенно ином виде.

— А вдруг женщина, на которую вы рассчитываете, умерла или уехала из города? И в конце концов, она может вас предать.

— Последнее исключается. А если я ее не найду, вступит в действие второй вариант.

— Допустим, — кивнул головой Никольс. — Еще вопрос. Что будет, если самолет подвергнется нападению до того, как вы выберетесь?

— Я консультировался с авиационными специалистами. Полковник Эрнст утверждает, что на максимальной высоте нападение почти исключается.

— Пусть?

Окаевова развел руками: — Это «почти» — наш постоянный спутник.

— Ну, хорошо... Никольс пристально посмотрел на Окаевова: — День вылета определен?

— В ночь на ближайшее воскресенье. Я могу ит?

— Если у вас нет к нам вопросов... — Никольс подышал. — Разрешите пожать вашу руку и пожелать удачи. Америка сумеет достойно отблагодарить вас.

— Я об этом не думаю, — сказал Окаевова и повернулся к Барчу: — С вами мы еще увидимся? — Непременно...

Окаевова вышел.

— Да, хочется верить, что он справится, — проговорил Никольс.

— Во всяком случае, он предусмотрел все.

— Кроме одного, — Никольс усмехнулся, — это советская контрразведка очень мало походит на те, с которыми ему до сих пор приходилось сталкиваться.

— Учитель именно это и просит, чтобы в случае осложнения вы разрешили ему ограничить выполнение одной из задач.

— Вот это мне и не нравится, — Никольс реборм алчно ударил по столу. — Нужно, чтобы сделано было все. Все! Это необходимо. Понимаете?

— Если будет хоть малейшая возможность, он сделает все. Я знаю его не первый год. Такие, как он, на дороге не валяются. Кстати, нам следует продумать, как организовать его возвращение.

— Не будем торгаться с этим, — махнул рукой Никольс. — Пока он еще здесь. Вижу, что вы влюблены в него, как в свое дитя. Но я убежден, что в лагере для перемещения лиц можно найти

Рис. Н. Гришина.

СТРЕЕ ПЕРЬЯ!

Бор. ЕГОРОВ

Отрадно отметить, что в последние время наши издательства, как центральные, так и местные, стали больше выпускать сатирической и юмористической литературы. Это в основном сборники стихов, рассказы, фельетонов. Перед нами одна из таких книг — «Фельетоны, басни». Она вышла в Симферополе, в Крымзидате, и составлена из произведений молодых поэтов-сатириков.

Многие стихотворения этой книги поражают читателя, запоминаются автору. Верно подметила в жизни то, что подлежит сатирическому осмеянию. Вот фельетон А. Лестина «Учительство». Он повествует о невольном борющемся человеке с «бархатной лодкой». Петр Петрович — так зовут героя — на первый взгляд очень чуткий, обходительный. Он никого не оставит без внимания. Придешь к нему на прием — обязательно пожелает тебе здоровья, спросит о здоровье, пообещает о погоде, не забудет предложить пиварскую, поинтересуется, насколько тебе известно о политике, устрится, попорочит потерпевшего аято «пару дней»... Но проходите прелюдацию «пара дней», неделя — и выясняется, что «агент-наблюдатель» ничего не сделал. И каждый раз, придя к нему,

Вместо словесной пиварочки.
Разговоры направишь.
Получишь пиварочку
И поватие руки.

И сидят подчас в министерствах и ведомствах, в районах комсомольца и на предприятиях вот такие Петр Петровичи. Приносящие никакой пользы народу и государству, обладатели единственного таланта —

Обещать да утешать,
Милко, вежливо, галантно
Дать человеку мешать.

Молодые читатели с интересом прочтут в сборнике фельетон «Вузовский фельетон» А. Мильского. В нем рассказывается о профессоре, который «пикну недавно окошечка и вывел... решил себе посвятить медицину». Но, понимая, что в медицине нет, наш герой начинает чувствовать скуку. Его утешают «слышанные названия, слуховая латынь», и он перешел из медицинского института в горный, где, как ему кажется, учиться легче. Но в горном институте кончающий студент не почувствовал облегчения и перешел в строительный. Однако тут ему «интергалы набавил окошечку, и он снова занят поисками «эскалаторного вуза», где есть для завкачт особый способ, где нет никаких трудоемких вопросов». А его друзья уже давно окончили институты и работают врачами, агрономами, заняты большим, интересным, творческим трудом.

Сродни этому бездельничаню друзей молодой человек, Иван Болтушкин («Болтушкин заболел» А. Малия). Провожая в дорогу своих друзей, которые изъявили желание ехать на работу в деревню, он закрутил и «Я приеду на подмогу», «Хочу быть в тусне важных дел, подкасающих эпохою...» Но вдруг Болтушкин заболел. По-

сле разговора с женой, которая не согласна жить «за глушью», у него и спину свело и жимы ступню — не иначе как радикулит! Но врачи поставили иной диагноз:

«...сидения яванов вид
И остальны даные...
— Тут дезертирт...
Вольны несмыа поганял!

В названных фельетонах, как и в ряде других, автор верно избрал цели для своего сатирического огня и сделал серьезные обобщения. То же можно сказать и о некоторых баснях. Самая яркая из них, пожалуй, «Медведь и ангела» А. Малия:

Один Медведь затворил кабинетный,
Первы надел, читал листок анкетный.
— Расмотрил данные...
«Ногои — четыре»... Картина такова:
«Уха — одна»...
«Шерсть тонка светлого,
Длина всего на холме...»
«Имеет хвост, укороченный
Мителювой...»
«Способен опугушительны»...
— Так это же Лени! — ревельно...
— рванула рот Медведь...

Медведь решил: «Нахожа — лучше негуля!» И тотчас распорядился оформить эту первую на работу, назначив ее своему помощником. Но мудрого администратора на следующий день жалко разочаровал: автором анкеты оказался не Лев, а... обыкновенный Осел.

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о слепой лодии
И ангеле.

Мораль ясна!
Басня звучит очень свежо и актуально. Хроми так помещенные в этом сборнике басни «Пегух на трибуне» В. Кривокольного, «Волчок Н. Полота».

Но вместе с тем сборник страдает рядом недостатков. И о них хочется поговорить особо. Дело в том, что срывы и промахи, свойственные авторам этой сборники, присущи многим молодым сатирическим поэтам, как фельетонистам, так и баснописцам.

Рисунок Б. Аржекаева и басня «Медведь и ангела».

Юмор и сатира — большое и трудное искусство. Это искусство сложного искусства и прусуденная форма образов. Надо создать конкретную ситуацию, не бояться прибегнуть к гиперболое, оставить персонажа в таком положении, в котором он может наиболее ярко проявить свою сущность. Иными словами, создать прежде всего осл-

рый сюжет. Но один ослый сюжет не обеспечит успеха, необходимо дать точные характеристики, детали, наблюдения. Надо не просто заметить, что наш инкогнито — плохой, а создать характер, тип.

А Малия написал стихотворный фельетон «Нетрагожий». Он решил показать в нем человека, который соблюдает закон эгалитарности нейтралитета, который хочет быть абсолютно со всеми в милых отношениях. Вот credo Нетрагожущего:

И хочу пройти всей венк
Главою дорожкою,
И — хороший человек,
Никого не трогать!...
Всяк Расстрижия жек прорыв,
Ханяна любит ваять.
— Нет на это коллентны! —
Вспроет недостатны!

Нетрагожий все же знает: ему известно, что «Рюмки — зиплюшка», «Проидасвето» — скекулянт, молшенка». Но он считает, что разоблачать их, выводить на чистую воду — дело общественных организаций, милиции и прокуратуры, но не его лично.

Тема очень острая, важная. Однако автором она решена поверхностно. Пост ограничился всего лишь тем, что он моболо героя, в котором тот изложил в итгровой форме свой взгляд на жизнь.

Фельетон ли это? Это скорее просто куплеты. В стихотворении нет той остроты и глубины, которая должна быть присуща фельетону, нет сатирического запала и поэтому нет характера, образа.

Также люди, как Нетрагожий, люди жизни по формуле «своих хата с краю» и являющиеся, по существу, пособниками преступника, должны быть сурово осуждены, явлено высмеяны. Автор не поставил героя в такие обстоятельства, при которых обаялилось бы все подленькое, мешанское нутро Нетрагожого. Это, на наш взгляд, произошло потому, что пост пренебрег сюжетом. Если бы он не только рассказка нам о герое, а показал его в действии, то произведение звучало бы убедительнее, сильнее. Тогда с полным основанием можно было бы поставить ко многому обязывающую рубрику: «Фельетон».

У каждого жанра есть свои законы. Все ли басни, помещенные в симферопольский сборник, можно действительно назвать баснями? Нет. Встречаю подделку под этот жанр, иначе говоря, побасенки. Они в автором сборника, Н. Полота, повествует о том, как «оляжак между Угтогом и новым Штанам конфликт возник». Штанга возмущилась тем, что Угтог стал их хуже гладить, что он расстерял былую славу.

...Ныме ты штанпу гладильш.
Ты просто холоди в час.
Тогда нет и пошны тебе.

Далее Угтог заверяет: «Да я работаю в штанге, а ты в котле, кому-му? Я позорюсь!» Я накалось! Постояв примерно с часок на примусе, Угтог привялся снова гладить, но тут случилась непоправимая беда: «Штанга мигом задымилась». В чем же суть всей этой грустной истории? Оказывается,

Угтог... отомстил Штангам за критику.

Нам кажется, что это слишком обличительный подход к требованию жанра. С таким же успехом можно было бы взять Шпину, которое во время звонки сожгала Прическу, или Рубака, который в серых так прошеял по крошечкованшей его Доске, что ее пришлось выбросить. Но разве это единственные, точно выбранные персонажи, которые необходимо для решения большой политической темы? Автор, видимо, рассудил так: в жизни случается, что Иван покритиковал Петра, а Петр возмущал до отомстил ему. Знает, стоит лишь человеческие имена заменить на «басенные», и получишь басня. Это — глубокое заблуждение.

В басне того же автора «Чуткий Еж» снова персонаж выбран неудачно. Даже обладающий самым пылким воображением читатель никогда не представит себе такого скромного тружаника. Ежа в образе троганого лесоначалника. Но дело не только в этом. В «Чутком Еже» снова налицо механическая замена человеческих имен на «басенные», причем имена двояк прикрываются к тем или иным человеческим характерам без всякого смысла.

Автор, видимо, забыл, что басня — это не зарифмованное сообщение о каком-то случае, а произведение искусства, где художественно обобщен значительный жизненный опыт, изображены типические события и образы, которые требуют отточенного языка, меткого, разнородного слова, артистичности и остроумия. В ней, как и во всяком сатирическом произведении, нужен выход. На чем основан эффект «Медведя и анкеты»? На самой анкетке: «Ногои — четыре», «уха — два...» и т. д. Это находит. Пост так остроумно составил анкету, что даже лодья Осел вместо Льва совершенно неожиданно, во вполне оправданно.

Баснописцы, участвующие в сборнике, так же, как и фельетонисты, взяли болше нужные темы. Но автором во многом еще не хватило глубины обобщения, остроты. Каждый сатирик должен мечтать о том, чтобы имя его героя стало нарицательным. Это осуществимо лишь только тогда, когда в произведении есть верно схваченный, четко очерченный, убедительно показанный тип героя.

Развитие сатирического жанра в нашей литературе — задача большой важности, дело трудное и почетное. Сатира — «оружие любви-милосердия». И это оружие надо осваивать, учиться владеть им, ибо оно самое сильное.

Всемогущий папушой

Сказка

Шел молдаванин Ион через русскую землю и к притомился. Заночевал у русского мужика Ивана. Хлебосолоен был Иван, да беден. А для гостя ничего не покаялся. Последний горшок молока на стол выставил. Из последнего пятка яиц виничку зажарил. По последнюю синицу прирезал. На славу угостил.

Наелся, напился молдаванин Ион, высказался. Сил набрал, в дорогу собрался, прощаться с Иваном начал: «Добрый ты человек, Иван, великого ты народа сын. Хоть и не богат я, а хочу вознаградить тебя, чтобы ты меня не забыл и, народ твой о тебе помнил.

Сказал так молдаванин Ион и вынул пять зерен. Вынул и говорит: — Это первое зерно за горшок молока. Пусть оно у тебя никогда не пересохнет. Весной посеешь зерно — по осени молоко вырастет.

Подал Ион Ивану второе зерно.

— За виничку тебе это второе зерно. Посеешь его по весне — по осени оно курцями закохнет, гусями загогоет.

Подал Ион Ивану третье зерно.

— Не пожалей ты для меня последней синицы. Пусть у тебя из этого зерна стадо синиц вырастет.

Подал Ион Ивану четвертое зерно.

— Не проси я у тебя шерстяные рукавички, ты

сам понял, что по осени мне худо без рукавичек придется. Пусть это четвертое зерно овцами вырастет, шерстью обернется.

Подал Ион Ивану пятое зерно, сказал:

— А это пятое зерно самое главное. Памятное тебе. Что вырастет из него, моему народу радей. Надеюсь, что тебе помнить будет, сказку про тебя сложит и меня в этой сказке вспомнит.

Взял Иван зерна и спрашивает:

— Как называются эти всемогущие зерна, Ион, из которых молоко, куры, гуси, синицы, овцы растут?

— Называются они в молдавской земле папушой. А как в твоей земле их звать будет, не мне про то знать.

Сказал так Ион, простился с Иваном и в путь-дорогу отправился.

Минула осень, пришла зима, пришли красивые дни весны. Хорошо взрылся земля Ион и зерна посеял.

Посеял зерна и принялся ждать, когда они молоком нальются, нестих несут, синицами, овцами вырастут.

Смеется народ над Иваном:

— Слыхано ли дело, что бы молоко в поле росло?

— Небывалое дело, что бы зерно порослось.

— Как ты, Иван, мог поверить прокожему? В поле лент-конопля растет, а не овечья шерсть.

Молчит Иван, а с поля не уходит. Молодильни, яичные сны, шерстяные всходы ждет.

Пришло время — проколонулись ростки и так ходило в рост пошло, как ни одно дерево не росло. Могучие зеленые, высокие стебли. Сбежался народ — глазами не верит. По два, по три колоса на каждом стебле. Не виданные колосья — по хорошему огуру. По пятьсот, по тысяче зерен в колосе. И камидый колос — на свой Ион.

Стебли. Один коровишковой мычнит, другой курицей кокетит, гусями гогочет, третий синицами хрюкает, четвертый овцами блеет, пятый для добрых людей семенным белоуровым зерном зреет.

— Вот так папушой! Всемогущий папушой!

Много ли, мало ли лет прошло, зазеленели русские поля всемогущим папушом. Лесом стали. Бором шумят. Народ востал.

Стал папушой кормить сочным дистом коров, а коровы давали густое молоко. Вырастил папушой синицы сатыми зерном, жирный свинок, кур, гусей. Едят папушой бараны и овцы. Густо обросли они мягкой шерстью.

Добрую сказку сложили про мужика Ивана, что вырастил на Руси всемогущий папушой, и молдаванина Иона хорощим словом за пять зерен вспомнили.

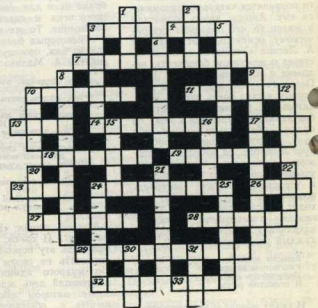
Далеко пошла всемогущий богатырь папушой. Во все края он, кормилец, шагнул. Только в наши годы его уже никто папушом не зовет, а белоуровый пшеничкой — кукурузой — прозывают.

Ег. ПЕРМАК

КРОССВОРД

Составил П. Иванов (Латвийский край)

По вертикали:

1. Автор поэмы «Двдвдидать».
2. Название газеты.
3. Имя р стхотворного произведения.
4. Валюция обьекта.
6. Груз для обеспечения устойчивости корабля.
8. Порт СССР на Тихом океане.
9. Автор исторического романа «Великий Муравьев».
10. Изяворения нотоплавающей лодки.
12. Медицинский инструмент.
15. Герой произведения А. Гайндра.
16. Город на Украине.
20. Пресноводная рыба.
21. Русский поэт.
22. Остров в Средиземном море.
24. Волнистое животное.
25. Клапан для регулирования выхода износостойкой пара.
26. Роман 21. Леонид.
31. Сорт яблок.

По горизонтали:

3. Машиностроительная крепежная деталь.
4. Муской рак.
5. Советский композитор.
10. Поэма А. С. Пушкина.
11. Определение боезни.
13. Положительный элемент.
14. Единица измерения давления газа.
17. Роман А. Карамеева.
18. Род стрелкового оружия.
19. Народный артист СССР.
23. Пластина.
24. Великий русский драматург.
26. Химический элемент.
27. Предназначение, основанное на определенных данных.
28. Социально-политический элемент.
29. Учебное пособие.
32. Вермя года.
33. Неподвижная часть вертикального оперения самолета.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 6 ЖУРНАЛА

По горизонтали:

1. «Дорогой».
2. Шенелон.
3. Ильяш.
4. Писек.
5. Коса.
6. Авторитет.
7. Дельта.
8. Торок.
9. Тонна.
10. Тонна.
11. Тонна.
12. Тонна.
13. Тонна.
14. Тонна.
15. Тонна.
16. Тонна.
17. Тонна.
18. Тонна.
19. Тонна.
20. Тонна.
21. Тонна.
22. Тонна.
23. Тонна.
24. Тонна.
25. Тонна.
26. Тонна.
27. Тонна.
28. Тонна.
29. Тонна.
30. Тонна.
31. Тонна.
32. Тонна.
33. Тонна.

По вертикали:

1. Дворца.
2. Грав.
3. Шест.
4. Шест.
5. Натрий.
6. Салма.
7. Лидер.
8. Остров.
9. Плавиль.
10. Серва.
11. Боринион.
12. «Воронеж».
13. Калитан.
14. Арсенал.
15. Сатра.
16. Немод.
17. Штргис.
18. Калитан.
19. Серва.
20. Салма.
21. Калитан.
22. Серва.
23. Салма.
24. Калитан.
25. Серва.
26. Салма.
27. Салма.
28. Салма.
29. Салма.
30. Салма.
31. Салма.
32. Салма.
33. Салма.

Редакторы: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулемин, М. Луконин.

Технический редактор О. Шолова.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Максина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

А 63-363.

Подписано и почтой 16/VI 1955 г.

Изд. № 519.

Заказ 1499.

Формат бумаги 70x108/8.

Тираж 250 000 экз.

1,75 буз. л. — 4,8 пец. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Эти фотографии взяты из книги польского писателя-натуралиста Владимира Пухальского «Охота без кровопролития».

Большой знаток родной природы, Пухальский любит бродить с фотоаппаратом по лесам, полям и лугам. Во время этих путешествий у него бывает немало интересных встреч с птицами, животными, цветами. Так и рождаются его глубоко поэтические книги: каждая встреча — новая глава.

На обложке фотографии изображена одна и та же сова. Сначала она здорово перетрусила, увидев внезапно появившегося человека, а потом опомнилась и решила сама пострадать непрошеного гостя.

О культуре и мускулатуре

Л. ШАТУНОВСКИЙ

Всем давным-давно известно:
спорт с наукой —
в дружбе тесной.
Но заметим:
к сожалению,
есть от нормы отклонения.

Нос покраснел под тяжестью очков,
лицо — ажрихиновое, спина — сутула.
Студент,
говоришь Хиляков,
по суткам не встает со стула.
Он книголюб!
А впрочем, нет,
не книголюб,
а книгоед!
Всем говорит,
что он с своей культурой
жизнь проживает
и без мускулатуры!
Открылась форточка,
повел ветерок —
бедняга захриел, закашлял, слег.

II
Силищев —
этот не таков.
Что за фигура! Что за плечи!
Он стоит многих игроков
в любых спортивных встречах.
— Силищев, ты на лекции!
— Отнюдь!
Спешу часок — другой вскрапнуть,
заправиться по норме.
— А как же семинар!
— Сбегу!
Перед игрою
не могу:
обязан быть я «в форме»!
И выясняется:
едва
пора настанет сессия,
а у спортсмена голова
«в наилегчайшем весе».

Чтобы расти здоровой смелой
и в ногу с временем шагать,
ты должен крепким стать
спортивным.
передовым в учебе стать.

Встреча на Парнасе

Иван МАНЖАРА

Работу бросил Петр Хвалько,
Мечтая стать поэтом.
Но стать поэтом нелегко,
Он убедился в этом.

Такой же, как и он, поэт
Кондрат Чужоголосов
Привык в вине искать ответ
На тысячу вопросов.

— Мы свой глядящий гонорар
Пропитать должны по праву
За кашу с тобою редкий дар,
За будущую славу!

Зашли в кафе,
И азноно так,
Став в позу поэтичной,
Один сказал: — Прошу коньяк!
Другой: — Прошу столичной!

Петро в Кондрате увидал
Поэта с ярким словом,
Кондрат Петра Хвалько назвал
Украинским Крыловым.

Он все сильнее жемидый раз
Кричал, хватив столичной:

— Да ты талант, да ты у нас
Свех классиков отличней!

Да ты, Кондрат, лауреат...
А нет, так будешь вскоре!..
— Ты прав, Петро, дружище, брат,
Ведь мы не капля в море!

И, перестав соображать
От нового бокала,
Себя решили испытать
И в области вокала.

Вмиг разогнав ночную тишь,
«Поэты» развернулись.
Один кричал: — Шумел камыш...
Другой: — Деревья гнулись...

В бокалах пеннелись вино,
Дымился сигаретный,
Минутка счет забияк давно,
Все чокались «поэты».

— За творческий солидный рост!
— За популярность в массе!
И наконец, последний тост:
— За встречу на Парнасе!

Они и встретились потом,
Букальню в тот же вечер.
...Не на Парнасе — под столом
Произошла их встреча.

Мораль нам явности пора,
Ее излюбили ажратцы:
На спиритоводочных парах
К Парнасу не добраться.

Федор ЦЕЛИЩЕВ
(«Молодежь Молдавии»)

Рис. Е. Гурова.

Однажды звасталась Луна:
— Все успеваю я одна,
Земные освещаю я просторы,
Леса и реки, города и горы,
Путь облегчаю кораблям,
Плывущим ночью по морям,
Влюбленным я слугу, За это
Меня воспевают все поэты!
А Солнце! Днем светить не мудрено.
Пусть по ночам попробует оно!
Но я скромна. Как Солнце,
всем в глаза не лезла.
Уж если я возьмусь и днем светить —
Солнце запросто затмит!
Но в первых солнечных лучах она...
исчезала.

Мораль найди легко. А ну,
Найди теперь Луну!

Цена номера
2 руб.

